

С М И Е Ш И А

9-10

1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА

НА ПРИЕМЕ В КРЕМЛЕ В ЧЕСТЬ КОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ 24 МАЯ 1945 ГОДА

Товарищи, разрешите мне поднять ещё один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

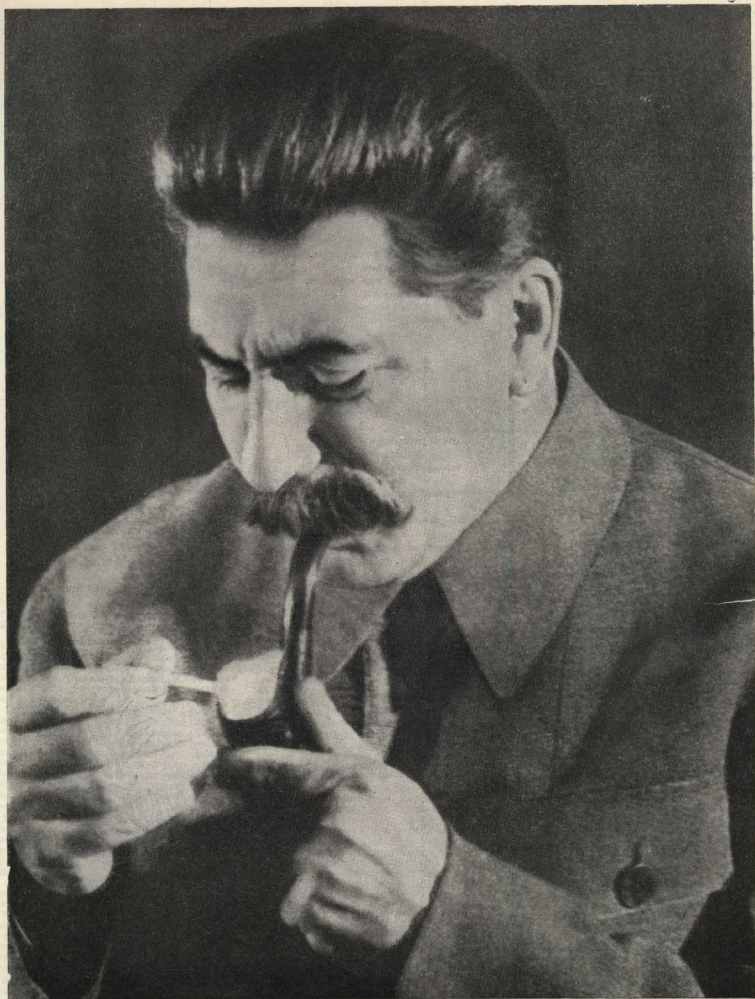
Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он—руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества,—над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН.

Фото М. Альперта

С М И Е Ш А

Май ★ № 9—10 ★ 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

Семён КИРСАНОВ — Победа!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ — Из берлинского дневника.

Карлсхорст, 8 мая. Фото Г. Петрусова.

Иван ПАПАНИН — Будущее в ваших руках!

Евгений КРИГЕР — Эпизоды великого дня.

Ал. СУРКОВ — Бессмертные смелых.

Армия-победительница. Фото Г. Борисова.

Николай АСАНОВ — Знамя победы.

Ник. ПОГОДИН — На всю жизнь.

Сан-Франциско. Фото С. Гурарий.

Мысли и афоризмы. Победа!

Олег ЕМЕЛЬЯНОВ — Сила привычки.

Н. МАРКОВИН — Первые салюты и триумфы в России.

Шахматы. Под редакцией гроссмейстера Василия Смыслова.

Рисунки художников Г. Валька, А. Житомирского, Н. Кузьмина, И. Старосельского.

На вкладки: «САЛЮТ ПОБЕДЫ» — фотозюда А. УСТИНОВА.

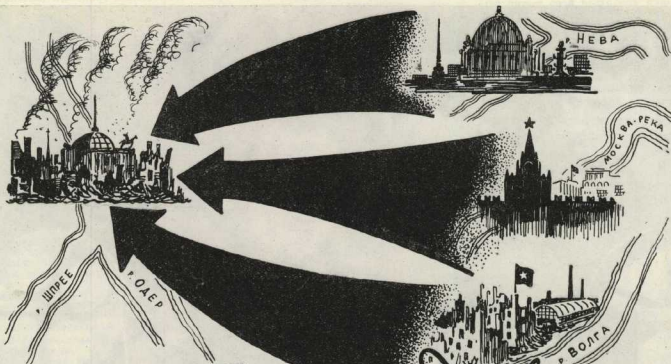
На обложке: «ВСТРЕЧА ПОБЕДИТЕЛЕЙ» — рисунок художника И. ГРИНШТЕЙНА.

ПОБЕДА!

Победа пришла —
весенняя,
полная!
Вошла,
как река
в свои берега.
Победа прожгла,
как майская молния,
червявое,
чёрное
сердце врага.
Повержен Берлин,
зола ещё кружится.
Издран железом
серый рейхстаг.
Над ним,
как костёр
советского мужества,
горит,
не сгорая,
пламенный стая!
Победа идёт —
счастливая,
вольная,
цветы рассыпая
по мостовой.
Биение залпов
тысячестольное
и россыпь ракет —
над майской Москвой!
Шуршание серпа
с громыханием молота
сдружилось навеки
на нашем гербе!
Весна спасена,
отобрана молодость
в гигантских боях,
в кровавой борьбе.
По гущу болот,
по развалинам каменным,
по пеплу домов,
сожжённых дотла,
по поясу в огне,
по минам и яминам
от Волги до Эльбы
победа прошла!
Солдатской души
чистейшее золото
с железом штыка
сплавлялось в бою!

Ни капельки крови
даром
не пролито
советским бойцом
за отчину свою.
От «Малой земли»
до Рыбачьего острова
звенели слова:
— Победу добудь!
И поступью Зои
и кровью Матросова
проложён
её торжественный путь.
Победа вошла
в ворота истории,
утихли громы,
развеваясь дым,
открыты опять
дороги просторные
горячим и смелым,
и всем молодым!
Летите, слова,
от города к городу,
входите
в Кремлёвский
мраморный зал!
Народу советскому,
русскому,
гордому,
спасибо ему,
как Сталин сказал.
Слова
пролетают
печными стаями,
народ отвечает
в радостный час:
— Спасибо ему,
великому Сталину,
к Победе Побед
приведшему нас!

Из берлинского дневника

16 апреля.

Скоро начнется.

Об этом не говорят, но это чувствуется во всем. Едем за Одер, на плацдарм — оттуда начнут разворачиваться гигантская армия наступления.

Берега Одера похожи на поверхность луны. Гигантские кратеры, мертвая земля. Все, до травинки, до кустика, выжжено бомбами, снарядами. Мост весь в деревянных латках — немцы разбирают его ежедневно, наши восстанавливают немедленно.

О переправе через Одер надо будет написать стихи. Это мост-герой. Сколько водовыпусков по нему немцы, а он всё действует! По дну реки шли немецкие водолазы, чтоб это взорвать. Их поймали, вытаскивая на поверхность, взяли в плен. Потом враг пустил плавучие мины по течению. Они взорвали два пролета моста. Тогда перед мостом расстелили рыболовные сети — не для рыб, а для мины.

Начальник переправы молодой подполковник Неделевский стоит на берегу. Он расхватушка шинель — на его кителе семь орденов. Каждый орден — лавочка о переправе через какую-нибудь реку. Он так и говорит:

— Вот это «Суворов» — Днепр. Это «Отечественная» — Припять. Это «Знамя» — Висла...

На горе, за Одером, — наблюдательный пункт. По трамплину сюда идут генералы и офицеры. Вот случайно освещенное лучиком карманного фонаря лицо. Это генерал Беляков, прославленный лётчик, герой чкаловских перелетов.

В темноте слышен строгий бас. Знакомый голос. В нём весенняя воля сталинградского командира. Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Василий Иванович Чуйков вышел на капитанский мостик.

Прожектор провёл по небу рукой. Рокот «летящих». Огненные кони мчатся на запад. Земля содрогается. Знаменитая советская артиллерия начала наступление.

Меленно-медленно приходит рассвет, и мы видим во мраке в вершину горы и высланными досками чужой наблюдательного пункта крепкопалочного человека с твердым взглядом галаз. Герой Хахин-гола и Москва, Ленинград и Виршивы, славнейший плазоволовец сталинской школы, маршал Жуков руководит последним наступлением, которое завершит Великую отечественную войну.

На «миланес» слу взорвёт, в наступление войска. Здесь много знакомых лиц. Наступают гвардейцы-сталинградцы. Над головами пехоты низко проносится советские штурмовики «Ильичины». Будущий сбрасывает какой-то предмет на парашюте. Белый купол опускает на землю большой моталаческий ключ. Гвардейцы берут уросетный ключ, читают написанную на нём дату: «1780—1945» и стихотворные строчки:

«Гвардейцы-друзья, к победе вперёд. Шлем вам ключи от Берлинских ворот. С вами гвардейши-штурмовики Героя Советского Союза Белавина».

Ключ несет командиру дивизии. Это розмалй человек, бывший командир партизанского отряда, теперь генерал. Он говорит: «Ключ надо хранить вместе со знаменем».

Почувь возвращаюся на наблюдательный пункт. Всё небо в фонарях — светящихся авиабомбах, которые раскидала берлинская авиация. Опять бомбёжка переправы и дорог.

18 апреля.

Три дня и три ночи идёт бой. Он непрерывный, враг дерётся отчаянно. Войска постепенно продвигаются. Был у танкистов в той гвардейской бригаде, что в сорок

первом году навесла немцам первый удар под Москвой. В сорок пятом они навесит титаноорач последний удар под Берлином.

Танкисты расстроены — здесь нельзя провести глубокий рейд, как вышедшей зимой, — от Вислы до Одера. Надо прыгать за каждый дом, за каждую дачу берлинских пригородов.

Танкисты заняли замок принца Шейнбург-Вальденбурга. Прекрасный охотничий замок. Оленьи рога, рыцарские доспехи. Библиотека, вывезенная из Франции, — старинные ценнейшие книги. У входа бронзовые олени. А прямо перед фронтоном замка — каменная провалялка. Надпись: «Не подходить! Будет стрелять». Это агеръ русских рабов, принадлежавших принцу.

Танк ломает колы, вжимает в землю колючую проволоку.

19 апреля.

Сегодня артиллеристы открыли огонь по Берлину. Они готовились к этому дню долго. Шли вместе с пехотой, чтоб поскорее достичь рубежа, откуда можно будет вести обстрел центра города.

Вот он, этот рубеж! Перекрёсток дорог, две взорвавшиеся на собственных минах немецкие самоходки. Косой весенний дождь, под которым на галвах распускаются листья деревьев.

Огромные пушки (их велут трактора по частям — афит и ствол отдельно друг от друга) устанавливаются на огневые позиции.

Мягко Григорий Гаркун, командир части, похож на студента перед экзаменом. Он делает какие-то заметки в записной книжке, сосредоточенно вглядывается в затянную ленту дально. Артиллеристы сверяют часы, и ровно в назначенное время Гаркун отдаёт команду.

...В тяжёлые для Советской страны дни собран этот снимок: командующий Западным фронтом Герой Советского Союза генерал армии Г. К. Жуков, член Военного совета фронта И. А. Буллацин и начальник штаба генерал-лейтенант Соколовский у прямого проволочного телефона в конце 1941 года, когда зенитеревские орудия стояли под Москвой...

— За горе советского народа, за Ленинград, за Сталинград — по Берлину — огонь!

При слове «Ленинград» батарейцы вздрагивают. И поглядывают, в чём дело. У них на гимназёрках медали на светозащитных ленточках с изображением адмиралтейской иглы. И опознавательный знак их части — адмиралтейский флаг. Это Ленинградцы, те самые ребята, что вели борьбу с гигантскими немецкими пушками, обстреливавшими Ленинград.

Первый снаряд летит без предупреждения. Решено сделать так, чтобы потом, когда Берлин будет взят, проверить точность попадания.

Следующие выстрелы идут с точными адресами, например: «За Эрмитаж по адресу Вильгельма — огонь!»

Снаряд летит в Берлин минуту и две с половиной секунды. Сколько лет мы ждали этой минуты! Тяжёлый путь войны подходит к концу.

26 апреля.

«Все эти дни я провёл в Берлине, в войсках генерала Чуйкова» — такую запись я сделал в своём блокноте и вспомнил другую запись, времён завершения Сталинградской битвы: «Все эти дни я провёл в Сталинграде в войсках генерала Чуйкова».

Здесь много старых знакомых. Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск Матвей Вайнруб — один из самых молодых генералов: ему едва перевалило за тридцать. Ещё со Сталинграда ходит легенда о его храбрости. За храбрость его любят все — от механика-водительского до командира.

В боях за Кострин Вайнруб был в пятый раз тяжело ранен. Сам Чуйков привёз его в госпиталь и, когда врачи замешкались при встрече, закричал на них: «Что вы медлите?! У меня Вайнруб истекает кровью!» Сказал так, словно Вайнруб — это неотделимая часть его самого.

Сейчас молодой генерал ходит с плачущей, прихрамывая, иногда чуть морщась от боли. Его танки блуждают в городе, и он, несмотря на то что ещё не поправился после ранения, всё время выезжает к ним по разбитым и засыпанным кирпичным улицам.

В войсках встречались люди, которые вдруг улыбаются и напоминают: «Мы с вами на Тракторном встречались». Железный родной народ — Сталинградцы. Сидим на наблюдательном пункте команда полка. Он устроен в квартире немецкого чиновника. В одной из комнат работает радистка-сержант. В её наушниках слышится голоса и звуки и вдруг — является новый голос на коротких волнах:

«Говорить американцы. Говорять американцы. Русские, слышите ли вы нас? Отвечайте нам по-английски...»

Из окна квартиры видна улица, ёлодь стен домов продвигается наци банды. Дым и кирпичная пыль чёрно-розовой тучей висит в воздухе.

Словно грохот боя слышен истинный крик: «Дяденьки, не стреляйте! Откуда он, что это значит?»

Из подворотни выбегает странная толпа: какие-то солдаты-аляшуты в голубых шинелях да ят. Их человек сорок, они бегут в сторону наших позиций, крича и плача.

Через пять минут выясняется, в чём дело. Немцы собрали в Берлине русских детей в возрасте 10—14 лет, одели их в форму берлинской ПВО, вооружили и приказали идти в бой. Ребята бросались бегать к нам. Вот они стоят, окружённые бойцами, вытирают слёзы длинными рукавами шинелей. Один мальчик сидит, спрятав голову в козани. Дети объясняют: «Это Сёнка из Курска. Он тронулся...»

Ребята ведут на только что захваченный склад, насыпает в их огромные карманы конфет, а потом на грузовике отправляют на сборный пункт, который находится в предместье Висдорф. В разных местах скопились толпы освобождённых людей всех национальностей. Вот французы и итальянцы с тележками, голландцы в киландрах, русские девочки, американские солдаты, поляки, тут есть и негр и несколько индусов.

Начинается освобождённых всё время уходит на Восток. Через выдугу, пересекающую кольцевую автостраду, едет телега, на узлах сидит тётя в шлятке, справа едет прохаживших солдат.

— Мамле, на Орля — эта дорога!

30 апреля.

Бой всё приближается к центру города. Завтра праздник, настроение у всех приподнятое, взволнованное.

Сегодня я был у гвардейцев, форсирующих один из многочисленных берлинских каналов. Переправляются через канаву на сорванных и петьях дверях, на досках и впалях. Гвардеец Подьяев вылезает из воды. Зуб у него не попадает на зуб, он вочичит: «Канаву приняла вода, чорт знает, что за вода! В Днепре совсем другая».

От канала пошла на Берлинштрассе, к артиллеристам, взоющим в метро. Из противотанковой пушки они били вдоль туннеля. Метро очень некрасивое, просто канализационная труба. Сыро, грязно. Неважно вспоминалась станция «Охотный ряд», где когда-то пришлось работать проходчиком. Какой это светлый и прекрасный подземный мир! Какой нежный, февральский ветер летит сейчас там от площади Дзержинского...

1 мая.

Ночью позвонили с наблюдательского пункта Чуйкова, что надо немедленно приехать. Промчался по горшему Берлину на «виальесе», в 3 часа пополудни был на месте.

Генерал-полковник Чуйков говорит: «Они вот-вот рухнут. Сейчас с передовой передали, что к нам идут парламентёры».

В маленькую комнату вводят немецкого генерала, полковника и майора. Генерал амь, в правом глазу у него молялка, алицо в шрамах. На шею и на груди кресты.

Он передаёт через переводчика, что прибыла для ведения мирных переговоров.

Ему отвечают:

— Единственное спасение для окружённого берлинского гарнизона — полная и безоговорочная капитуляция.

Немецкого генерала заглядывают:

— И прибыла сюда, чтобы выяснить, есть ли возможность установить перемирие для ведения переговоров.

Ему отвечают:

— Мы руководствуемся решениями Крымской конференции руководителей трёх держав, — мы предлагаем вам сдаться без всяких условий.

Генерал идут начинает говорить, порусски. Советские генералы и офицеры улыбаются. Наш переводчик, которому сейчас уже нечего делать, шепчет мне на ухо: «Помнишь, как в «Борисе Годунове» Пушкина, отец Варлаам выдала себя за неграмотного, а потом попросил грамоту и сказал: «И давно не читывала и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до ногги доходить».

Переговоры длятся несколько часов. С советской стороны на все немецкие предложения один ответ.

— Полная и безоговорочная капитуляция.

Наступает перемыайское утро. Под окном стрелает гаубица. Мы встречаем перемирие в бою. В Москве сейчас парад, вчера отменили затемнение, мы слышали об этом по радио.

Немецкая делегация уезжает обратно. Сдаться они не хотят.

Штурм Берлина продолжается.

2 мая.

Ночью опять передали, что идут парламентёры. На этот раз пришёл командант окружённого гарнизона генерал артиллерии Вейдлинг. Высокий, худощавый немец с тёмным лицом. За ним солдат не идёт чмодами — генерала, видимо, обратно идти не собирается.

— Положение безвыходное. Мы сдаёмся,

— говорит Вейдлинг. И сжимает голову руками.

Он пишет свой последний приказ войскам берлинского гарнизона.

С рассвета немецкие войска начинают сдаваться. Мы едем по улицам, машина всё время застревает в пробках — идут колошны и толпы немецких солдат и офицеров. Большие флаги, белые повязки. Наши войска прекращают огонь. «Захватить оружие!» — слышна команда на батарею.

Наши бойцы украшают машины цветами. Первого мая поспрадиравать не удалось — поспрадиравем второго!

Мы подвезаем к рейкстагу. Неподальку от него, западнее, ещё идёт бой — группа советских не ждёт сдаваться. А здесь — праздничное оживление, объятия, встречи... Вместе с кинооператорами мы забираемся на фронтон здания рейкстага, где воздужено знамя Победы. Под знаменем — багровые сгустки крови, пролитой героями, устанавливавшимися его.

У Врандсбургских ворот — митинги. Ворота заложены кирпичами — это сделано по приказу Геббельса: «Для того, чтобы русские не могли пройти через эти ворота». Вызывают шведских — или как бойцы привыкли их называть в Польше — «кувиальных» — немцев, ставят их на разборку кирпича. Немцы работают быстро и смотрят на нас подободрственно.

На Зигельсаеке и встречам сталинградского друга, капитана Корнева. Он смотрит вокруг и говорит:

— Мы только потом поймём, какое счастье вышло нам. Ведь мы в Берлине, в Берлине, в Берлине!

ГОД ТЫСЯЧА ДЕВЯТСОТ СОРОК ПЯТЫЙ...

...И вот снимок весны этого года: командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза Г. К. Жуков, награжденный медалью третьей медалью «Золотая звезда», в поверженной немецкой стойке, у стен германского рейкстага. Советские армии прошли длинный путь от Москвы до Берлина и, поставив Германию на колени, победно закончили войну.

Кармалхорет, 8 мая

Фото Г. Петрусова.

Берлинское предвещие Кармалхорет навсегда вошло в историю: здесь закончилась война, здесь 8 мая 1945 года был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии перед союзными державами.

На верхнем снимке — общий вид зала в помещении бывшего немецкого военновинесерного училища, где происходила подписание акта о капитуляции. В центре, слева, — у входа перед началом исторического заседания. В центре, справа, — последняя страница акта с подписями уполномоченных гитлеровского командования и представителей союзников. Внизу — великий генерал-фельдмаршал Кейтель своей подписью свидетельствует, что Германия разбита, что германские вооруженные силы капитулируют...

БУДУЩЕ В ВАШИХ РУКАХ!

В эти торжественные дни побед над проклятым фашизмом и с радостью и гордостью думаю о тех молодых патриотах нашей родины, о той чудесной советской молодежи, которая в первый же день войны направилась в военные комиссариаты, для того чтобы добиться высшего чина — права защищать отечизну с оружием в руках.

Четыре года назад безумце юнк — вчера еще юнкита, являющегося, юнкте нижеправи, историком, среднестатистическим наделом форму воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота и принадежася к строеву науку воины. Вчерашние школьники и студенте стали сдвдателями войны, в которых нет места снисхождению и пощадкам, — экзамены на отвагу и терпение, на выдержку и находчивость. Юнкте ставились овладеть новыми рекордами у орудий, пулеметов и минометов. В огне сражений выковывались бесстрашные бойцы.

Они отлично выдержали все испытания. Под воздействием Великого Маршала неутомимо шагали наши молодые бойцы и офицеры сквозь грозы военных лет, постепенно кувая и овладевая воинским искусством. Они, безмерно гордясь своей частью и независимостью советского государства, за счастье своих братьев, отцов и матерей, за счастье наших детей, за победу над нечуждым фашизмом. Они гордо радовались успехам и привлекли не жаловаться на лишения.

Наша молодежь, воспитанная партией Ленина — Сталина, была в бою за родину образцы беспримерной храбрости, мужества и отваги. Свидетельством тому длинный список молодых героев — летчиков и моряков, пехотинцев и артиллеристов, танкистов и кавалеристов.

Но в короткие минуты передышки, на спох развернув книгу, читавшую когда-то давно, или же очутившись в кругу друзей, школах, поехож на ту, в которой они учились, они вдру с неожиданной остротой вспоминали: ведь все было иначе. И очень часто они думали о том, что будет день, когда все станет попроще, и земля, что такой день придет.

И он пришел, этот радостный, долгожданный День Победы. Отныне над Европой будет развеваться знамя дружбы и согласия народов и мира между народами, а сказка гениальной вожди и полководца, наш родной Сталин, чья имя вдохновляло нас все эти годы. Ему мы обязаны солнцем и счастьем нашей победой.

Наше желание, наша мечта, к которой мы стремились с таким упорством, целью таких жертв, обмала. Ах, как смотрим мы в лицо победы. Вот он, желанный день, когда снова можно проводить дела, превращенные четыре года назла.

Четыре эти года дали молодежи не только военные знания: они дали ей знание жизни. В испытаниях эти лет закалились воля молодых воинов фронта и тыла, сложился их характер. В кровь и плоть вошло убеждение, что отважный и терпеливый человек, беззаветно преданный правому делу, обмале все. Это мудрость победителей. Тот, кто вквса ет смолду, может достичь обмале, если не допустит зазнавства и самодовольства.

В эти дни войны обогатил нас большим жизненным опытом. Теперь мы имеем возможность до конца разобраться в нем.

Это имеет особое отношение к тем молодым бойцам и командирам, которые остались в рядах нашей армии. Перед ними широкое поле деятельности. Участвуя в сражениях, равных которым не знала история войны, даже самое

юнкте из них накопили огромный практический опыт. Они стали мастерами своего дела. Но совершенствование не знает границ. Глубоко продумав свое собственное практическое наблюдения, тем шире раскрывающиеся перед ним перспективы.

Детальнейшее изучение драгоценного опыта бои Великой отечественной войны даст вам богатейшее человеческое и неиссякаемый источник повышения воинского мастерства и дальнейшего тактического творчества.

Перед теми, кто желает поспитить себя военной наукой, широким путем. Глубокое творческое изучение теории в сочетании с богатым практическим опытом создаст кадры, способные поднять еще выше военную мощь Советского Союза.

Не одни военные науки предстоит изучать молодому бойцу и офицеру. Воин армие-освободительный должен быть всесторонне развитым, широко образованным человеком. В годы войны люди много читали, но мало читали. И все же именно в эти напряженные дни иные из них узнали настоящую цену хорошей книги. Кто из фронтовиков не помнит, чем было для них трудным минуто огненное слово талантливого писателя, берущая за душу повесть, острый рисунок! Теперь у них будут время ознакомиться с лучшими произведениями отечественного творчества. Они посмотрят много хороших спектаклей, с новым чувством перечтут классиков, прочитают новые книги.

В них есть время углубить свои политические познания. Нам всем ясно: но одно боевое мастерство помогло нашему народу одоеть врага, нам привела к победе великие идеи большевизма. За рубежом, в наши дни, в которой многодетная советская армия сейчас находится, глубокое освоение этих идей, политическая закалка особенно необходимы. Основательней чем когда-либо надлежит нашим молодым офицерам и бойцам овладеть политическими знаниями, изучать теорию марксизма-ленинизма, непрерывно воспитывать себя и своих товарищей в духе идей партии Ленина — Сталина. По-большевистски сражались они на фронтах, по-большевистски предстоит им охранять дни мира.

Прекрасен прошедший день. Я думаю о тех, кто, возвратившись из армии, с новыми силами и удвоенной жаждой творчества бросится к оставленным чертасам и книгам, к картам и оптическим приборам, к перу и релю. Студенты с возмужавшими лицами и орденскими значками в петлицах разместятся на скамьях аудиторий, будут с особенным вниманием вслушиваться в слова профессоров. Теперь они знают, каковы минуты дорожки, которые ворвенте человеку вступую потраченного времени. Юнкте, мечтавшие стать инженерами, врачами, архитекторами, учителями, юристами, со страстью отдадутся изучению своего дела, внося в занятия кипучий энтузиазм молодежи и сознательную целеустремленность зрелости. Молодые рабочие и колхозники горючо приступают к мирной труде: их энтузиазм уже скопился не соидательной работе, а дела кругом очень много.

Глубокие раны нанесли нашей родине фашистские изверги. Советский народ, чтобы залечить эти раны, но сделать родную страну еще прекрасней, чем она была до войны. Эта грандиозная созидательная работа мирной труды, возрождающая город-родина Сталинград. С помощью наших ученых, художников и рабочих восстанавливаются

изуродованные немцами памятники древнего Новгорода.

Молодые строители — архитекторы, работники художники, — нам предстоит это творческое труд. В нем скульптура, взорвал, непенела много любимых созданий нашего народа: ои покрма развалинами лучезарный Крым, уничтожая Днепротэ, зависа ижалеа крпа эападному Киеву, стройтотом Александр Красавица-Вельский. Враг пытался обезобразить прекрасное лицо нашей родины. Вы сделали его еще прекраснее. С теми же мастерством и неутомимостью, с какими вы сражались на фронтах, вам предстоит шровести этот бесконечный бой с черными силами войны, без остатка уничтожая их, возводя города и возращая сады на месте обгорелых пустырей.

Молодые ученые, исследователи, географы. И на поприще мирной деятельности вам снова предстоит сражения, о которых вы забыли за эти годы. Это мужественные сражения человека с природой, со стихийными бурями и ветрами, с кручами горных вершин. Эти сражения тоже требуют немало сил и отваги, и неспроста бурногорые «романтики» утверждали, что вместе с войной для еи участником кончалась пора героизма. Вспомним о великих подвигах мирного времени: о наших ставинических соках Челомее, Громоове, Волдыринове, о комсомольцах-сеодовах, о «челюскинцах и многих других, задого до войны прославивших на весь мир мощь Советского Союза и величие духа советского человека.

Вот он, наш великодушный день. Снова по-мирному шумят стадионы, бассейны и клубы наполняются веселыми, смеющимися людьми. Снова красота и величие советского дела проявляются не окутанные пороховым дымом, а в солнечном свете праздничного дня. Снова вкоре из края в край нашей большой страны запугают веселые группы туристов.

Вот она перед вами, пора радости и творческого труда. Вы вступаете в нее возмужавшими. Вы убеждены, что за какое бы дело вы ни влезали, теперь, вы внесете в него упорство, бесстрашие и дисциплинированность, которым научила вас война. Товарищи, работавшие эти годы в тылу, поехайте с вами в наши германские города. Они волновались вашим волеванием, радовались одной с вами радостью. Не шадя себя, не думая о себе, работали они, чтобы дать Фронту хлеб и свертки. Вместе с вами завоевали они победу, и так же, рука об руку, в дружном согласии, зашагаете вы вперед, работая с неизменной продуктивностью, ни на минуту не ослабляя усилий, создавая жизнь, достойную победителям.

В самом начале вашего жизненного пути вы узнали, как costly победа. Ваша жизнь соидательна, и вы не забудете величественных моментов в истории родины, о которых писал великий русский мыслитель Вельский: «У всякого народа — своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и разуметь, чем выше народ, тем грандиознее картвенное достояние его истории, тем больше инее грандиозное величие его критических моментов и выхода из них с честью и славою победой». Величие того, что мы с вами видели и пережили, несомненно, выведет нас на новый ступеньку. Наше настоящее прекрасно, наше будущее может стать еще прекраснее. Оно в ваших руках, молодые люди Советской страны!

На улицах Москвы в День Победы.

Фото А. Устинова

Евгений КРИГЕР

ЭПИЗОДЫ ВЕЛИКОГО ДНЯ

Рис. Н. Кузьмина

Напалуне шёл дождь в Москве, и хмурое небо, мокрая земля — это ещё связало было с мыслями о войне, о промозглой сырости в окнах, о бускущих в беззорье машинах, о ветре, о жёстких на дорогах войсках. И вдруг всё это оборвалось. В третьем часу ночи Москва проснулась. Сотни тысяч, миллионы людей будили друг друга. Звонили по телефону. Стучались в двери к знакомым и незнакомым. Никого нельзя было оставить, в одиночестве и в неведении. Стучали в стены и в окна. Вспоминали, что в одной из комнат человек живёт без радио и без телефона. Бросались к нему. Он крепко спал. Спящего поднимали на руки и, как он был, в ослепе, в простынях, потащили туда, где собралась вся квартира. Он отпнулся в кресле против репродуктора — босой, взломаченный. Когда он засыпал два часа назад, ещё была война. Он проснулся как будто в другом веке. Вокруг звенели

бонками. Тогда он закричал из своих простыней:

— Спасибо, спасибо, товарищи!

Смеющиеся люди обступили его, спрашивая, за что он благодарит их, за победу или за то, что его не оставили в одиночестве в такую минуту. Ошеломлённый всем происшедшим, он отвечал:

— За всё, за всё спасибо, товарищи!

Но в эту ночь и все мало, о чём бы ни говорили, как будто благодарили друг друга. За общий труд войны. За сплочённость в дни горя и радости: сир мы сломали врага. За доблесть Москвы, за мужество города Ленина, за подвиг Севастополя, за чудо, совершённое людьми Сталинграда. За право быть гражданами великой нашей страны.

Кто-то из стоявших возле окна сказал:

— Смотришь, как рано сегодня светает. Какой большой будет день!

Дождь уже не было. Врезали утро, пер-

вое утро победы и мира. Танцуют на улице. Вся Москва шла к Красной площади, бегом к Сталину. Мы быстро собрались. Тогда одинокий сосед, которого выгнали из сна в адме, в ужасном волнении закричал.

А как же я? Положите меня!

Все его подождали и уже вместо, гурьбою, вышл на улицу.

Движение к Красной площади началось ещё ночью. Шли с заводов, из ночных квартир, с ночной работы, с ночных оживших в том виде, в каком застала их весть о победе, с пятнами сажи на лицах, с черными от угольной пыли ресницами. Шли от нечел, плавивших сталь для фронта, из железнодорожных депо, славших паровозы на фронт, из мастерских, собирающих оружие фронту. Оные шли молча, замучившись о чём-то своём, другие лозли и пригласывали обняться; но все шла только туда, к стенам Кремля, хотя не могло же быть ночью ни жарда, ни демонстрации или гулянья. Повинуясь, без отчётливой потребности быть вместе и быть именно там, где чаще всего видел Сталина. Вспоминалось июньское воскресенье 1941 года. Тот же вечер шёл к Красной площади. У входа в мавзолей Ленина стояла громадная, небывало длинная очередь. Тихо было на площади. Никто не знал, что будет с нами через день, через месяц. Началась война. И акли шли к Ленину. Красноармеец с деревянным чеподанчиком в руках сказал, что через себя знает, что будет с нами, из своего опыта. Его пропустили вперёд. Выйдя из мавзолея, он постоя ещё немного на площади и пошёл по направлению к Белорусскому вокзалу.

— Где он теперь?

— Может быть, дошёл до Берлина.

Днём на улице Горького авали повстречался полковник, Герой Советского Союза. Сначала его окружили и стали кричать в его честь «ура». Потом подошли поближе и признались в том же духу. Это охватило мало для выражения общей к нему симпатии, и его попросили разрешения пожать. Человек в летах и солидной комплекции, он вымолвил о походе, даже сослался на нездоровое сердце, но испорчено. Его два раза качнули, собрались и третий, и четвёртый, и пятый, но тут он, озираясь, шёл спасения, прибег к хитрости.

— Товарищи! — крикнул он. — Да я же не единственый! Глядите, вот ещё идёт, да молодёжьки!

Полковника осторожно опустили на землю, почтительно расклавившись с ним и кинулись к новому Герою. Тот действительно оказался крепким, выносливым, деятельным авантюристом, и ему, уж на старинный разрешения, пришлось качать без пошлуд, без счёта, передавая с рук на руки, смеющегося, растерянного, а спасаясь хитростью полковник сдвинулся, отпрянул в стороне и бурно весело:

— Почтуваться теперь парням, что такое настоящий летный день. Вот какой у него будет — бесконечный!

К полуюни границы между тротуарами и мостовой уже не существовало. Сотни

«Салют Победы».

тысяч людей шаг сплошь во всей ширине улиц, и всё равно было тесно. Первое время милиционеры пришли в смущение, но вскоре их тревога растворялась в волнении всеобщего дружелюбия и благожелания. Несмотря на тесноту давки не было, праздничная толпа соблюдала образцовый порядок, и на перекрёстках можно было наблюдать зрелище, о котором давно мечтала Валикира Владимировна Мажковская, — улыбающихся милиционеров.

У здания американского посольства, на Манежной площади, против Кремля, толпилось много людей. Сотрудники посольства выходили на балкон и широко улыбаясь, раскланивались.

— Гуд морнинг! — кричали им снизу, — ура!

— Ура! — отвечали американцы. — Собравшись на набережной выдвинул весь свой запас знаний в области английского языка.

— Ис э лонг вей ту Тиннерип! — раздавалось внизу. — Хау лу уо! Дут тайм из ит! Тинк у вери мач! Ура!

Американцы в восторге бросали вверх шляпы. Снизу откликался тем же. Манежский перекрёсток все голазные люди. Им долго обмениваясь, подбиравая выше и выше, пока шляпы не попадали в руки владельцев. Тогда все начиналось сначала. Наконец все шляпы были подожжены на голахы и обе стороны разошлись, в вышей степени удовлетворённые друг другом.

На площадь Свердловга приехала со своим дядьком Леонид Угтёсов. Его можно было послушать без билетов и контрамарок. Это также было одно из весёлых происшествий Дня Победы. На площади против Большого театра плавались танцы.

В отчаянном желании отказаться водителем автомобиля, Улицы от стены до стены перешли в безраздельную власть пешеходов. Обтекаемые грандиозным человеческим потоком автомобильные злобные стоны. Праздничная толпа относилась к ним с поразительным дружелюбием. Пешеходы похлопывали их по локтям, выискивая шлофрам свой сочувствие, давали совет.

Подается же в сторону куда-нибудь. А то, не дай бог, развалят! А ну, полюбимой!

Даже могучие восьмидесятилетние двенадцатипятидюймовые автомобильные танки, осадительно сверкающие, как боги скорости, влечая в тот день жалкое существование. В широких долинах московских магистралей для них не было места. Всем своим необычайным человеческим братством столица стремилась к стенам Кремля.

— Папа, смотри, сколько много людей! — говорила девочка. — Смотри, папа, и все танцы весёлые, добрые!

— Верно, весёлые и добрые, дочка.

— А как же они победили всех немцев?

— Когда добрых людей рассердит, они становятся очень сильными.

— Тогда я всегда буду доброй. Отец рассмеялся и сказал: — Правильно, дочка. Только не забудь вовремя рассердиться.

По улице Горького двигались несущая два саботорбы старца. В руках у одного из них имелась громадная бутылка с русской горючкой, другой нёс гранёный стакан. Стенно и чинно старым ушами встречных и с особым удовольствием — общирно.

— За победу! — провозглашали старцы. — За русское войско в Берлине!

Наперном, георгиевские кавалеры! — решим прожить. Два сабых кавалера, продолжая творить

торжественный свой обряд, медленно улаживаясь в сторону Красной площади.

Шли с банинами, с трубами, с мандолинами, и тут же в толпе возникали содружества музыкантов, маленькие оркестры; к ним пристраивались танцующие пары; откуда-то появились даже человек в маскарадном костюме, с извращённым носом; началось ныряние на обывательный, самозваный бал на асфальте, и вдруг кто-то вспоминал...

Вспоминалась другая Москва — оборонная, грозная, с потухшими огнями, с армейскими обоями, стоявшими бивуаком на площадях, с колючими стадами коров и овец, которых гнали через стальной в безопасное место, с ночными тревогами и ревом зенитных орудий. Трагично и проволочка на украинках. Сердитые старухи, таскающие железный лом на баррикады, и покаявшие железных моторы. Окна на чердаках, выбравшие садовые ящики, чтобы кидать оттуда в немцов гранаты. И по ночам сухой стук осколков по крышам, по мостовым, стук ещё чётких равных кусочков металла, с армейскими обоями, стоявшими бивуаком на площадях. Москва в гнев. Москва рядом с фронтом.

— Вальс! — повелительно крикнула одна из девушек музыкантам, и танец на мостовой вертун на ис ночи 1941 года в солнечный День Победы.

В этот день не было в Москве знакомых и незнакомых. Все стали закадычными друзьями. Девушка села у окна в третьем этаже, а с улицы ей кричали прохожие:

— Что сидишь одна? Пойдём с нами.

Найдём тебе жениха.

— Уж есть жених.

— А где же он?

— В Берлине!

— Ой, выдумала!

— Он ещё на фронте ухаживает, так обещала, что обязательно будет в Берлине.

Разве в Москве, описанной стальными скелетами, в расклеванном от пожаров и взрывов Сталинграде, под Орлом и под Курском, в штабах, в траншеях, где лежал шаман смерти и тырмал и их замангал друг друга — на всем протяжении грандиозного советского фронта я часто слышала те же

слова: «Мы будем в Берлине!» Одни приносили их со стиснутыми от злобы губами, другие — с улыбкой, полной уверенности. Они говорили так потому, что были уверены в себе и в товарищах. Это была уверенность народа, страны, армии, которую вёл Сталин. Они: сдержали своё слово, данное в самые страшные, скорбные, грозные для нас и для всего человечества дни. Они сегодня в Берлине.

— На свадьбу зови! — кричали прохожие девушка.

— Прощайте.

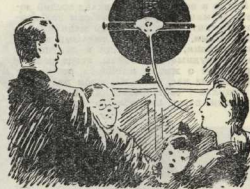
— А сейчас идём с нами.

И девушка отвечала смеясь:

— В Берлине пишу тебе. Некогда.

Это было в Москве, на 1-й Мещанской.

На исходе дня, напоенного человеческим гомоном, выступила с речью по радио Сталин. И всё стихло. Громкие прощания внимали ему — от Красной площади до Бранденбургских берлинских ворот. Голос Сталина пронёсся над измученной войной землёй, над полями, где ещё зияют чёрные шрамы траншей, где ещё зияют места для тизей на исчерпанных полях мёртвых ветках, где корни деревьев пробиваются под землёй сквозь ржавый металл, где народ наш выдержал небывалую в истории человечества битву и поставил врага на колени. Голос Сталина звучал, как голос отца. — «Мои дорогие...» — так обращался он к миллионам советских людей, и многие плакали, думая о великом его труде, о бесных его трудах, проводивших над крестами Советского Союза, Сталинграда, Курской дуги — всего советского фронта, от Чёрного моря до Заполярья. Слова его, спокойные, ясные, люди запомнят навеки, и глубже всего

останется на душе это сталинское: «...Мои дорогие соотечественники и соотечественницы...»

Музыка вырвалась из дворцов и театров на улицы. Под открытым небом стояла на площади Маяковского концертный оркестр. Молодая женщина играла виолу всё, ей хотело играть и этот день. Это была Нина Емельянова. Фортепианная музыка на многолюдной столбчатой пошла — это было как бы дыхание юности и мира в городе, который помнит укорял вольный сирил воздушной тревоги.

В 22 часа грянул первый салют из тысячи пушек. Пушечная зари поднялась над городом. Стало так светло, будто день начался заново. Исключительным светом алмазком сотеи прожекторов сопровождался артиллерийский салют. Это был гимн света. Серебряные мечи, лупчеребряный роллом сияли в небе. Искрились, искрились в том тенке — знамя Победы.

Пройдёт много лет, и свидетели великого торжества спрост, что предельно всеобщим и памятным у него день 9 мая в столице. И он ответ, закрутя рукою глаза, погружённый в воспоминания: — Смер!

Бессмертие Смерть

По трудным военным дорогам почти четверыхадных сражений пришли мы к солнечному Дню Победы. Мы пришли к этому дню по земле, обильно смоченной человеческой кровью и человеческими слезами, по земле, покрытой руинами разрушенных городов и погасы сожженных деревень.

В счастливой и радостной День Победы, чувствуя живых героев, достигших свершающей вершины Победы, мы торжественным, скорбным молчанием чтим память павших в боях за свободу и независимость Родины.

И с особенной любовью, с особенной чистотой вспоминали и вспоминаем мы тех, кто принёс в жертву Родине расцветающую, разрушающую к солнцу, к радости существования весну жизни — молодость.

Волж и величественно вкалал нашей советской молодёжи в дело победы над врагом. Воспитанные Сталиным памятными патриотами, сильными и смелыми хозяевами жизни, наши юноши и девушки в самые трудные дни войны, когда рождался вопрос о жизни и смерти Родины и каждого из нас, были в первом ряду сражающихся соотечественников. Сквозь смертный ветер боя высоко несали они

священное звание молодого гражданина страны социализма и встречали смерть так, как подобает испытанным в битвах воинам и зрелым мужам.

Валюговской вставкой мы странним памяти, и предстают перед нами образы юношей и девушек, смертью попранных смерти и подлинно бесстрашии и преданности утвердивших своё бессмертие.

Есть выше из всех гражданских прав —
Во имя жизни встретить смерть боя,
И, если надо, смертью смерть поправ —
Найти в огне бессмертие героя.

...Завоеванная раним снегом подмосковная деревня Петрищево. Сумрачно, свинцово-тяжёлое кольцо туманных дымов окружало шафота. Смятённая толпа стариков, женщин и детей, согнанных насильниками для устройства казнь. И в свинцовом кольце мучителей девушка, почти подросток. Истерзано чудовищными пытками молодое, хрупкое девичье тело, но горная, непреклонная душа живёт в нём. И на пороге смерти, с петлей, наброшенной на шею, князь герцога через томоны своих мучителей бросает в будущее, а века слова нестигаемой веры в правду своего народа, в правду Сталина и советских патриотов уничтожает всех палачей.

Так утвердила своё бессмертие московская комсомолка школьница Зоя Космодемьянская. И с этого дня имя этой девушки стало означать предельную стойкости, предельную мужества и преданности отчизне.

...Те же суровые и грозные дни ранней зимы 1941 года. Малаясыя, затерянный среди болот и лесов Калянинской области городок Иено. Метель, порывающая железнодорожное полотно. И у насани перед строем чужих солдат смелая, гордая девушка. Высоко поднята её голова. Держко и смело смотрит её глаза в чёрные дула лежидных винтовок. Злойкий дельничский тумок копит у ступок треске злыды. И неподвижно тело. И кровь на снегу. Священная, жертвенная русская кровь. Так вошла в бессмертие отважная партизанка, комсомолка Лиза Чайкина. Там, где оборвалась нить её молодой благородной жизни, началось её бессмертие.

...Шурва Чкалова и... Шестнадцатилетний школьник. Ещё не распухшая широкие крылья его души для большого полёта в жизнь, Ещё не окрело, не наматослаой возмужания его тело подростка. А его, дерзкого партизанского разведчика, пытаются омытые в злыхах делах немские палачи. Пытают догдо, злобно, истязают. Рычат от ярости истразы, а мальчик молчит. Он вспоминает своих мучителей. Непокорный и непокорный, он принимает мученическую смерть и смертью своей утверждает бессмертие правды народной.

Перематываем странички памяти. И вот перед нами встают образы Олега Косинова и девушек из шахтёрского городка Краснодона, в Донбассе. Как мало они прожили на земле, но как неповторимо

ярка и богата была их незадолгая жизнь! Примером для многих поколений остаются в веках их богатырское, иррадное единорство с врагами, исполненное дерзости и отваги, и не умоляет в стомахтих несия, с которой они уходили из жизни.

Как воплощение красоты и благородства воинского подвига будет жить в памяти поколений образ киноши Аваксян и драматурга, того маленького, незаметного пехотного солдата, который во имя победы закрыл своим телом амбразуру вражьего пулемётного гнезда и смертью своей открыла товарищам путь к жизни, к победе.

Имена этих легендарных юношей и девушек вошли в историю сталинского поколения советской молодёжи как светила песни торжества бессмертных идей, воспитавших это богатырское поколение.

Сколько их юношей и девушек, партизан и партизанок, подобно Зое Космодемьянской и Лизе Чайкиной, бесстрашно встретили смерть на шафотах и перед строем палачей со свернутыми винтовками! Скольким киноши и девушкам, подобно Шуре Чеканну и Юре Смирнову, проши

Памятник Зое Космодемьянской. Проект скульптора М. Манисера.

Памятник Лизе Чайкиной. Проект скульптора И. Толстого.

ДВЕ СВОДКИ

связь нечеловеческие муки, храня гордо молчание, не выдав товарищей, не предав Родину, и предпочла славою гибель позору отступничества!

Сколько их, подобных Александру Матросову, бросаюся на амбразуры вражеских дотов, чтобы смертью открыть путь к жизни, со связями гранат бросаемся под тур-сешни вражеских танков, поджигаем мосты, будучи окружены со всех сторон врагами, на своих гранатах и смертью своей несем смерть врагу!

Теперь шапку с околом не звать — Шлык и вытоска старшие саны, Предсмертной амунией руки ваять в адюльт Земли, набухой соколам асыны. Земля родная лйкин соню клена Урмыа теноу браниса тавы. Своей солдатской кровью из поносе Ты в это утро выкупил её.

Эти сотни тысяч юношей и девушек, павших на поле брани, погибшие за дерзких партизанских налётах на вражьи тылы, замученных в гестаповских вестенках, своей священной, жертвенной кровью утвердили в воелах бессмертную славу своего поколения и смертным своим подвигом проложили для живых путь к свободному и счастливому существованию.

Не забудем же никогда их имена, любовно собираем и собираем для потомства рассказы об их подвигах, об их небывалом героизме, о силе их богатых сердец и красоте их криватых душ. Это наш долг перед памятью погибших, это наша святая обязанность перед будущими поколениями молодежи, ибо эти поколения должны воспитываться на примерах их славных подвигов.

Именем Александра Матросова назван славный гвардейский полк, в рядах которого сражались и пал смертью храбрых отважный юноша. Не забудем же имена славных юношей и девушек, отдавших свои жизни во имя нашего счастья, наши новые кауцы, новые города, которые мы построили, улицы в городах, новые домамы, возведенные молодыми руками, вновь открываемые залежи руд, новые платины, которыми мы перерогораем реки, — всё это, во имя чего пруды и смертью терю.

Свято чтя память воинов, павших в борьбе за честь и независимость Родины, мы должны воздвигнуть памятники нашим прославленным героям в городах, сражались за освобождение которых знаи они смертью храбрых. И воздвигнуть памятники на родине павших героев, чтобы памятники эти были знаками бессмертия отважных и непониженным современникам и потомкам о доблести и преданности Родине лучших сынов народа.

Дело павшей молодежи — окружить любовным вниманием братские могилы воинов, павших на поле брани, сделать за тем, чтобы были они в постоянном уходе, чтобы памятники и цветы на них постоянно напоминали о том, что благодаря этому народу свято чтит и хранит в сердце память о своих защитниках.

У каждого юноши и девушки, погибших в боех за Родину, остались дома отцы и матери, для которых они были надеждой и сияющей радостью, кормильцами и опорой старости. А у тех, кто постарше, остались сироты-детки, живы те, у кого война отняла самое дорогое в жизни.

Влагодарная молодежь сталинского поколения обязана окружить старость отцов и матерей погибших героев и сиротство их детей любовью, нежностью и лаской, чтобы ни на минуту они не почувствовали себя одинокими и забытыми в старостиной и гордой покоем жизни в соответствии с тем, что было им своим соотечественником, чтобы не было неузрелым и бедным детство солдатских сирот и не была скорбной и тяжелой старость родившейся воинов, павших на поле брани. Пусть в дни наших народных праздников их место будет в ряду самых уважаемых, и цветы, которые юноши и девушки принесут в их дом весной, — цветы Победы, напоминают о том, что в большой семье советского народа жива память о погибших героях и никогда не иссякнет народная любовь к ним и к их близким.

СВОДКА Главного командования Красной Армии

за 22.VI—1941 года

С рассветом 22 июня 1941 года против нас обрушился удар немецкой авиации, разгромившей в воздухе советские самолеты и бомбившей территории нашей страны. В этот день вступили в бой на территории нашей страны немецкие танки, артиллерия, пехота, авиация. В этот день началось наступление немецко-фашистских захватчиков на нашу Родину. С этого дня началась великая卫国战争. В этот день началась героическая оборона Москвы. С этого дня началась героическая оборона Ленинграда. С этого дня началась героическая оборона Сталинграда. С этого дня началась героическая оборона Севастополя. С этого дня началась героическая оборона Керчи. С этого дня началась героическая оборона Новороссийска. С этого дня началась героическая оборона Тульы. С этого дня началась героическая оборона Кавказа. С этого дня началась героическая оборона Крыма. С этого дня началась героическая оборона Украины. С этого дня началась героическая оборона Белоруссии. С этого дня началась героическая оборона Польши. С этого дня началась героическая оборона Чехословакии. С этого дня началась героическая оборона Югославии. С этого дня началась героическая оборона Греции. С этого дня началась героическая оборона Франции. С этого дня началась героическая оборона Бельгии. С этого дня началась героическая оборона Голландии. С этого дня началась героическая оборона Норвегии. С этого дня началась героическая оборона Дании. С этого дня началась героическая оборона Финляндии. С этого дня началась героическая оборона Эстонии. С этого дня началась героическая оборона Латвии. С этого дня началась героическая оборона Литвы. С этого дня началась героическая оборона Прибалтики. С этого дня началась героическая оборона Западной Европы. С этого дня началась героическая оборона Северной Африки. С этого дня началась героическая оборона Ближнего Востока. С этого дня началась героическая оборона Китая. С этого дня началась героическая оборона Индии. С этого дня началась героическая оборона Австралии. С этого дня началась героическая оборона Южной Америки. С этого дня началась героическая оборона Африки. С этого дня началась героическая оборона Азии. С этого дня началась героическая оборона Европы. С этого дня началась героическая оборона Америки. С этого дня началась героическая оборона Австралии. С этого дня началась героическая оборона Южной Америки. С этого дня началась героическая оборона Африки. С этого дня началась героическая оборона Азии. С этого дня началась героическая оборона Европы. С этого дня началась героическая оборона Америки. С этого дня началась героическая оборона Австралии.

От Советского Информбюро
Оперативная сводка за 15 мая
Грибы пленных немцев сводят и разбирают на всех фронтах Запада.

Так началось, так кончилось... Две советские оперативные военные сводки — первая и последняя. Извлекло и посвятил этой исторической сводке отделею растение почти в 47 месяцев. Четыре года назад, после памятного воскресенья, в которое началось извлекло, мы читали первое сообщение о ходе военных действий: «С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской авиации атаковали наши прибрежные части на фронте от Балтийского до Черного моря».

Так началось и так кончилось: «Грибы пленных немцев сводят и разбирают на всех фронтах Запада». Можно ли более выразительно, более лаконично передать полный разгром, полный капитуля, полное поражение гитлеровской армии? Последняя сводка включила точку, провела последнюю черту на последней странице войны. Вспомните на эти сводки. Четыре года назад, вторгшись в нашу землю, свистевшие отдаленно тихо вытаски на окрестки. На танках, машинах, велосипедах, мотоциклах... И вот другой сводок — финал похода. Немцы на Эльбе, в Берлине, в Потсдаме, в Курляндии — асудю, где их выставла констипция, — складываю оружие перед победителями. Метание о завоевании мира заканчивали только позор. Победили мы!

А Р М И Я — П О Б Е Д

ДИТЕЛЪНИЦА

Фото Г. Борисова.

впитан Семиковов полчища алое знамя над заводами района Воддинг в Берлине, в следующую минуту был ранен.

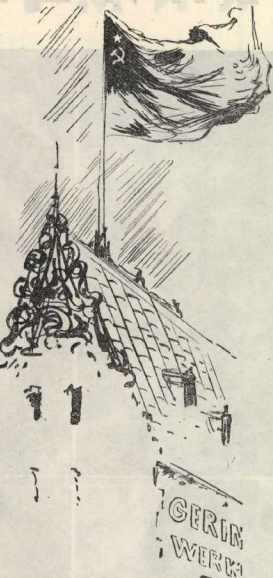
Автоматчики роты Семикова и санитарка Наташа Лошманова доставляли это знамя из Сталинграда да так и оставались при дивизии, видели, как с чердака противоположного дома Сасенгау пламя автоматной очереди, как пощипывала капитан и медленю пополз по крутой черепичной крыше, цепляясь за вышербеленные красные квадраты, всё устремясь движенье. Только одна Наташа окрыкнула от испуга. Привыкшие к опасностям войны солдаты мгновенно разделились на две группы, они бросились вверх по пожарной лестнице на помощь капитану, другие устремились в соседний дом, из которого обстреляли Семикова.

Но знамя, ставлинградское знамя, полорок прославинского горня, продолжая развеваться над кварталом Воддинг, одинаково видимо из всех точек осаждённого Берлина. Оно возмывалось над самым высоким зданием Воддинг, над банковской конторой «Керлинг-верк», влетела на ветру над поверженным городом, в котором ещё продолжался бой, но бой уже безнадёжный для немцев. Тем не менее немцы перешли на фланг, из котормы пылали знамя, пущенный огонь из центральных районов города, стремясь то бы что ни стало сбить это величественный символ побед.

К тому времени, когда автоматчики Семикова забрались на крышу, где, уцепившись за поломанный парават, лежала капитан, шпательные дымки сменялись частыми ударми бризантных снарядов, равнявших и в стенах дома и на улицах. Автоматчики, спускающие капитана, были на половине лестницы, когда сверху разворота весь угол крыши. Тёплым пылом и обломки кирпича скрыли от глаз медленно двигающихся людей. И тут Наташа вскрикнула истерично. Фельдшер из медсанбата, вышедший на помощь капитану, недобрительно поглядел на неё, но промолчал. Так была жалостен её взгляд, так устремлена к лестнице худощавая фигура, так поблещивало узкое, продолговатое лицо, похожее на старинные иконописные лики, с галками волосами, убранными под белую повязку, что пожилая скептически изуморенная фельдшер только окрыкнула. Но и он, и два санитаря, и несколько автоматчиков заманосного зрелища, ожидая капитана, поиняли испуг Наташи отнеслись так же Семикову. И те, кто был постарше, как фельдшер, позавидовали капитану, а те, кто был помоложе, погустрили, вспоминая о своём далёком счастье.

Из подвала, куда солдаты перенесли капитана Семикова, было видно знамя, горело, справливо прекрасно, которое не могли видеть ни снаряды, ни зажигательные пули, очерёдами ложившиеся вокруг него. Оно было видно со всех концов Берлина и вызывало ужас у немцев, разило сердце русских солдат, сысвало разноколенных рабов, что притались в подвалах, выжилая, пока советские войска очистят город. Эти пламенные, анибные родинки и свист снарядов, и крики и группы пробираться в Воддинг, увидев алое знамя над районом.

В адых складах этого знамени слышно всё ещё хранились в штабс-квартирах пожарных детей, когда рабочие ба-

Наша победа

РАССКАЗ

Рис. А. Житомского

талями Сталинградского тракторного завода. Выднн с ним на защиту своего города. Над ним трудилась огрубевшая руки работниц в часы, когда враг подходил к Волге. Оно было освещено на заводских митингах, под ним принимали присягу защитники русской твердыни. И когда в памятные февральские дни тысяча делитесь сорок третьего года враг был разбит под Сталинградом, нормый митинг в разрушенном, но свободном городе постановили передать это знамя гвардейской дивизии. Лучшей из тех, что зашедшая Сталинград.

Дивизия была уже под Ростовом, они дрались в Стальских стенах, когда делегация Сталинграда достигла фронту Сталинград, сами того не подозревая, задали трудную задачу командующему фронтом. Каким из его дивизий была лучше в грозных боях? Нужно было ответить на этот вопрос? Но и просто передать знамя одной из дивизий было не в характере генерала. Он принял алое стги, и знамя хранилось в штабс-квартире, и все солдаты знали, что настает час, когда алушно и смеялиные бойцы вернутся в Берлин, и тогда им поручат полнить это знамя над победоносной столицей врага. Знаниям стало живой легендой, его выносили в дивизию, встречаясь пополнение, оно присутствовало при торжестве присвоения гвардейского звания и вручения орденов награжденным за великие победы вступления. И Наташа Лошманова осталась в армии, где хранилось знамя. Вместе с этой армией прошла она путь от Сталинграда до Берлина, словно хотел стать свидетелем того, как знамя, присвоенное ему, будет поднято над немецкой столицей достойной руюк.

Но современем случилась так, что молодая девушка забыла одного человека, которому отдала бы знамя вместо со своим сердцем немедля, потому что капитан Семиков казался ей самым лучшим, самым смелым, самым достойным. Тогда капитана Семикова первой возвращали в городские кварталы Берлина — и не было человека счастливее Наташи. Всё обмылось так, как мотылька в огонь, и Наташа не говорила о своём выборе, девочки длали вдруг оживались синим, трепет рук и туло выдала её тайну.

Но было одно обстоятельство в этой беспомощной девочке любви, которое с первого дня отдавало Наташу от капитана Семикова. Капитан прославился бесстрашием и волюколенной смелостью и боем, а Наташа, возмужав уже третью год, не совершила ни одного из тех подвигот, которые, как думала она, могли бы сравнить её с этим мужественным человеком. Если её работа представляла уже простой и не стоящей внимания, тогда как боевой труд капитана, да и не только капитана, а и любого бойца, казался ей необычайно смелым, несравнимым с её работой в ринных, с её беспокойством о близких и реченных, о мистках воедбах на привалах — со всем обыденным делом ротного командира, о котором только шипит в газетках. И она могла только думать о капитане, только в одиночестве называть его по имени. Выбыват такие натуры, которым всё своё жизнь кажется простой и неудобной, тогда как чужая возникает всегда свказки.

Было около десяти часов утра. Наступила та относительная тишина боя, когда по звукам понятно, что всё идёт хорошо, и потому можно было присутствовать к ним. Наташа стояла рядом с Семиковым, молча, робко поглядывая на него, а он сердито смотрел на повязку, спеланную руку, словно держал на груди тостого младенца. Она была сердит на зод на окружающую: всегда бывал несправедлив человек в первые минуты после рождения. Наташа могла, что это обманчивая вещь, случавшаяся с каждым здоровым человеком, который вдруг ощутил себя беспомощным. Но каждому она могла тогда сказать: «Наташа, не плачь, не плачь, не плачь, а капитану она боласе что-нибудь сказать, чтобы не выдать себя. А он, как нарочно, всё время обращался к ней со своими милыми вопросами, недолжный её краткими, тихими ответами.

— И даго вы меня продержите, Наташа? Ну, что вы молчите?

— Не знаю, товарищ капитан.

— Всегда вы не знаете! Прелесть только рвать да хромать! Вода скоро войной кончится, что же, я так и просажу в госпиталь?

— Не знаю, товарищ капитан...

— Ах, как вы невольная! Даже успе- шить человека по умету, ну собрали бы что-нибудь, что, мол, завтра вас отступит, а вы как воды в рот набрали...

Наташа опустила голову низко-низко. Капитан вдруг поднял лицо к ней и увидел слезы. Он резко выпрямился, с утешением и отвернулся. И, уже не видя её лица, сказала глуховатым голосом:

— А вы не сердитесь, Наташа, я ведь не чай пить пришёл. Вот война кончится, тогда я непременно к вам в гости приду, будем пить чай и говорить спокойным голосом. Тогда вы мне обязательно скажете, как вы на меня сегодня обиделись... Скажете ведь?

— Скажу, — тихо ответила Наташа.

— Мы тогда обо всем поговорим, — утешающим голосом сказал капитан, словно он должен был успокаивать раненого, а не она.

Наташа подняла голову. Семиков вдруг заметил, что у неё необычайно лучистая глаза, словно в них отражено небо, хотя в подъезде, где лежал капитан, приоткрытый на широкую немецкую кровать, было темно и сыро. С неожиданной нежностью подумала он об этой милой и скромной девушке, всегда обходящей со

всем, а с ним особенно. Вспомнил дружеские шутки товарищей о том, что Наташа влюблена в него и потому избегает появляться на глазах и слышать, что действительно глаза девушки такие правдивые, что ей трудно скрывать свои мысли. Капитану было двадцать пять лет, но он сделался его грубым по необходимости, но в этот миг он вдруг почувал о своей грубости и почему-то подумал, что вот война кончится и ему трудно будет прожить и жить с товарищом с детства.

— А знаете, Наташа, вы мне тоже нравитесь, — неожиданно сказала он и чуть не прикусил язык.

Наташа вспыхнула и чуть отодвинулась к стене. В этот момент откуда-то справа покатилась честная стрельба. Капитан поднялся и сел на кровати, опытным ухом расслышав немецкие автоматы. Там, где стреляли, давно уже были наши, кровати оказались оцинкованы. Проще чем Наташа успела удержать его, Семиков высочился из подъезда.

По улице бежали солдаты. Их было трое. Увидев капитана, они остановились. Один из солдат, поймав человека, должен был повозничью, суя по тому, что в руках его был кнут, коротко проговорил:

— Товарищ капитан, немцы из метро выдвиги. Лошадь убили и двух гражданских.

Выстрел продолжался. Улица опустела. Штатские немцы, разбирание знала среди улицы, исчезли в подвалах. Только у дома напротив, где собирались освобождённые, слышались крики. Немцы бросились по направлению к передовой, где его рта рассыпалось по домам, оцинка кровати.

Наташа расслышала зверый голос Семикова, потом топот бегущих по улице людей, хруст стекол под деревянными, как ей показалось, башмаками. Улучив минуту, она выгинула из подъезда и увидела, как спорочивалась за уда бегущие. Это были освобождённые, вооружившиеся немецкими автоматами. На мгновение появились из толпы Семиков, разглагольствующий по поводу на руки, которую он берёт себе вперед.

Она не испытывала страха, как и всегда во время работы. Но не думать о капитане она не могла. И, переваливаясь, подкрываясь раночка, которых пригодились сюда, в подъезд, она как бы сидела за Семиковым. Вот он развернул своих скачущих бойцов на площади, вот зашла крайние дома, вот атокует метро, чтобы немцы не могли подобраться ещё подкрашений. Работая, Наташа по слуху пыталась определить путь капитана.

Пришли ещё двое раненых. Один — русский, второй — серб. Серб отчаянно ругался, причём Наташа долго не могла понять, что серб этот ругается из-за того, что так мало воюет. Едва она закончила переваливать себя в узкий проход, увидела, и хромая, ушла снова к станции метро. От раненых Наташа узнала, что немцы ведут ожесточенно атаку, пытаются пробиться через проселок между дворами, в котором развешаются майя флаг. Было похоже, что немцы чувствовали себя по-добно бамбу, которого разрывали красные гранаты. Немцы не отступили ни шагу, но мезли на отря капитана Семикова.

Заключив переизыку, Наташа выгину-

ла на улицу. Она ещё раз увидела изменение, произошедшее на улице. Это было такое же опущение, каким внезапно свисающая с неба туча, когда в небе негредо солнце, а тут вдруг, даже не видя лица, чувствовался, как тебя охватывало холодом.

Улица теперь была совершенно пуста. Бой на переднем крае утихнул. Ещё тревожнее было там, куда ушла капитан. Наташа стояла в дверях подъезда, поворачивая голову то в ту, то в другую сторону, прислушиваясь к трясущим изменениям. Вдруг она увидела прямо перед собой, на втором этаже здания Геринг-верке, фигуру немецкого генерала, prominently в подвале. Он стоял на крыше и пробавлял по тёмной марш лестницы вверх. Она инстинктивно сарилась за коски вверх, ещё не доверяя своим глазам, а в раме окна появился уже второй немец.

Они пробирались к знамени. К её знамени, видимому из всех точек города, оттуда, где шла бой. Теперь оно находилось в опасности.

Наташа схватила автомат, оставшийся в руках в подвале, кинула в воле, подняла её и бросила на крыше. Она увидела пожарную лестницу, по которой спускали капитана, успевшая за железные перекладины и стала взбираться по ней, боясь сморочить шна.

Она услышала окрик: «Наташа!» увидела толпу фашистов, но не отступила и не погадила на него, боясь толпокружения. Ей нужно было то что бы там оно стало добираться до знамени раньше немцев, которые тем же путем. Она увидела пожарную лестницу, по которой спускали капитана, успевшая за железные перекладины и стала взбираться по ней, боясь сморочить шна.

То, что она увидела немца первой, спало её. Она дала короткую очередь почти машинально, и немец скатился по лестнице на землю. Ах, заврасся. Наташа пробралась к высокому козырьку крыши, увидела кровь на черепицах, подумала, что это кровь капитана, услышала дробный стук осколков по крыше: немцы всё ещё стреляли по знамени, должно быть, не нацелив на успех вылазки. Затем внимание Наташи сосредоточилось на лавке, который вновь отпущивался.

На этот раз немцы первыми спровели её укрытие, — должно быть, они увидели девушку скрывать пробравши в черепичной крыше. Затем над крышей вспыхнула ракетка. Немцы сообщили своим артиллеристам, что они уже в доме. Артиллерия открыла стрельбу по тому месту, где лежала Наташа, потом высочили. Их появилась пистолет. Один метнул гранату, но она слетела с крыши. Немцы ввалились далеко вниз. Наташа выстреляла в гранатомётчика и с яростным удальством увидела, как он повалился введ за своей гранатой. Но другие немцы уже рассыпались по крыше, скрывались за складками и высокими ребрами башенок, флажков и других украшений, в чисто немецком стиле, которые Наташа понадеялась теперь до боя в сердце. И тогда началось настоящий бой.

Она убил второго немца, но её ранило в ногу. Немцы, ранивший её, не успел укрыться, и Наташа встала в него сразу три мая четыре секунды. Когда её ранили вторично, она сползла вниз по крыше.

Теперь ей было трудно передвигаться, поэтому она улегалась поудобнее, выткнув раненую руку вдоль тела и уперев автомат в грудь, чтобы легче было стрелять. Так она отбыла два часа в ожидании. Крыша была краена теперь не только от крашеной черепицы, но и от кровя немцев. А знамя продолжало наметаться в воздухе над победённым городом, видимое для всех.

По улице бежали солдаты.

Немцы снова начали бросать гранаты, но они падали в крими, но причина вреда да Наташе. Один раз попалась прямо знамени, пробитое пулями. Наташа побежала, но знамя осталось стоять, чуть слышно расквашивая. И в этот миг немцы бросили артиллерийские гранаты прямо по крыше, должно быть, увидевшись, что ихотичники ничего не могут сделать.

С воевыми злобством увидела Наташа, как покатился с крыши флаг, и прыгнула за башкой флага, раненый своим же снарядом. В этот грохот осколки вывалили крики немцев, затем тяжёлый топот они бежали на чердак. И Наташа увидела, как, презанное осколком, знамя покачнулось и начало медленно падать, свивая тяжёлые складки.

Немцы были на чердаке. Она слышала их голоса. Но Наташа поднялась на колени и медленно поползла к упавшему знамени.

Ей было очень трудно. Она не замечала пуль, которыми немцы пытались остановить её. Было трудно двигаться. Стиснув зубы, она ползла по горячим черепицам, чтобы подняти знамя. Не видя его, капитан Семёков мог подумать, что немцы уже овладели домом, а генерал мог решить, что передали знамя не тому человеку, о котором говорил старшина-гонец.

И она доползла до конька крыши. Увидев в тёмной дырке алее блесне лица немца, она выстреляла прямо в это лицо, и оно запрокинулось и пропало в темноте. Затем Наташа подняла знамя, упираясь локтями в концы черепиц, и удерживая его слабой рукой под напором ветра. Услышав грохот полковавших снагов по черепице, она даже не обернувшись на стук, думая только о том, что Семёков и другие её товарищи ещё видят знамя победно.

Громкий крик сначала не дошёл до её сознания. Оказавши, зная Наташу. С трудом повернувшись к алее, она увидела, как солдаты помогают Семёкову подняти знамя на крышу. Шесть оборуживших немцев стояли на кромке крыши. Семёков подбежал к Наташе. Она попыталась ухватиться, но почувствовала, как сакбукт её губы. Покончивши обуружив лупушку, стараясь не глядеть в её сияющие глаза, пока она слушала самые значительные слова, которые только мог сказать её капитан. Потом они подняли её на руки и берозко понесли по крыше, а внизу были видны выходящий город и первые башне флаги побеждённого Берлина.

И она доползла до конька крыши.

«Всё! Выставляется первая рама... Мы с виновной убежденностью вылетаем от зала в тысячу орудий вылета стекла, раскрываем настельное окно. Ветер свежее московское вечернее вырывается в дом, хлопает дверями, его стола гонит книга, кто-то кричит: «Держите скатерть — победите посуду!» Сейчас так весело бороться, будто от зала в тысячу орудий вылетает стекло, что весь театр перешокох доставляет нам одну радость. Близки победы, первые, горячие чествования помолодевшей души, первые вчувствования реального дня... Мы оставили наш дом с расквашенным окном и, бездумно на Крутецов плащом, не дождавшись часа, что успеет на салют из тысячи орудий.

Сверкает. Одинский Луч проектора ловит серебряный салют аэростата и тут же меркнет. В небе идёт какое-то исполнитное приговорование. По набережной Лужского канала стоят проекторные установочки, и вездесущие, всезнающие мальчишки говорят, что этиж проекторные съёмочные машины, таскачи, не принадлежат Лужскому каналу, а принадлежат «Кремлёвской галереи, до Ординского моста мы видим войскам на Красной площади — двадцати лет тому назад, — когда выдалась жёлтая до смешного старомодная техника молодого смешного государства и когда мы дивились какой-нибудь шестёрке пригнанных и перед нами проекторных установочек и расквашенных музейных, такон «ркардистов», один из которых обязательно «портит до», один из которых обязательно «вешаетачистание», заупрямившись где-нибудь ного...»

И всё-таки до старинная техника была перешокой для своего времени — передовой и победной, ибо музейные ныне такни «ркарда» были отобаваны юной Красной Армии в своих врагов.

Вспомнить только! Всё это было колготами. И сейчас им стоило у радио и слушали, как подошла к микрофону Иосиф Виссернович и произнёс своё речульное, ницкое победное и победное. Трудно передать дивное ощущение скромности этого легендарного человека. Оглянешься назад — и открываешь взору волнующий холм куртана. Четвёрть столетия тому назад молодые авии-комсомо моего поколения — празднично победой юной Республики советов... Сталин, юность, победы это неразрывное живое ощущение людей этого поколения. Сталин, юность, победа — это живое ощущение молодых людей второго и третьего поколения... Этиж вот молодых людей, которых в этот час в Москве, что ведёт с Оранкини на Красную площадь, перехватили нас, окружили, взявшись за руки, и вступают безоговорочно частью под их песню. Имям молодые люди и не стар, и сумее пройтись козырем под вашу песню, но меня чуть-чуть душат сабны: так много и видел, так много и помню, что в этот час в алующей Москве мне видут показало, что я переживаю два столетия жизни и вступаю в третье... Вам этого не понять. Кричат, понужают, придираются. Танцуют. Чорт знает как коротко долгие жить в такие дни, نابовные великим смыслом времени, и ещё в мола-

доты чувствовать себя живое частицею громадной летописи народа!

И могу широко сравнить, и мне не надобно для этого никаких условий. Зара моего жизни была обуружена руминион победой. Победа — это всегда будущее — это будущее — это человек. Но как ни дорога своя юность и как ни потичны собственные воспоминания, всё же юность тепренших молодых людей шире и богаче моей жизненной за...

Мы, я помню, немного робая перед своим будущим. Этошло ещё до наших отцов. Мир открывался неизвестный, полный мечты, зов и неизвездания. А теперь... Конечно, это огромная художественная задача, дать образ современного молодого человека. Эта тема тем нашей литературы, но, сравнивая прошлое с нынешним, всегда отмигнуть какую-то особенность строго выраженного возмужения самого характера молодого человека последнего десятилетия. Будучи земным, практическим человеком, он занят проблемой собственного бытия, а естественно стремлением заслужить в народе уважение, почёт и даже славу.

Он... да вот же оно, наш современный молодой человек, который сейчас так много слышит из золотого зуба славы, что где-то во дворе потихоньку сила с него Золотую звезду и все ордена, что незаметно постыгать на мосту перед Кремлем и поававшись салутом. Он рассказывает об этом своим слушателям, а я несекромно подслуша. И эта героическая скромность, а ещё правильное скваить сдержанности, сделавшие великой силой славы, характер молодого человека станаической эпохи. Эта сдержанность в равной степени определяет русского, казака, грузина, украинца, но идёт она из другого источника, общей всем нам великой школы жизни, так строго и понитно выражающейся в нашем гимне:

«Пас вырастает Сталин, на верность народу».

На тру и на подвиги нас вдовнохам... И скромность нам сдержанность — это вместе с тем большое внутреннее достоинство, это истинная гордость, чего не надо смешивать с чванливостью самолюбия. И победа оставила навеки в истории нады высшей гордости народа, и юность нашему открывает этот славный день гордости большого будущего. И мы астердух в нашей юности, но как это не сравнить, как высоко подняла юный человек! Такие сказочные биографии в двадцать лет! С какой силой и уверенностью вступают юность в новую эпоху своей жизни!

Гуа ликования делается сдержанный Мы не допая до Красной площади, оста алее на Москворецком мосту. Часе на Сталинский мост, который говорит что-то, гуабу лучшим проектором, ещё милуа-а, и начнётся салют Победы.

- Салюты мы салхам... — кто-то говорит за мой спиной. — А вот воздушных салутов никто не видал.
- Кто это видал?
- Сам не видал, зато я знаю.
- Много ты знаешь!
- Да уж, наверно, побольше тебя.

И я, естественно, хочу увидеть, что такое салют, который говорит что-то, чего никто из нас не знает, не видал. И этим знающим товарищем оказывается юнец вида неказистого, лет шестнадцати.

не боем, а лицом большого, взрослого, задумчивого человека. Самолётостроитель... Так мне кажется. Чем выше класс работы, тем значительнее бывают эти ребята, судьбы которых так крепко и неотделимо переплелись с победой нашей.

Опыт, большая неразгаданная жизненная тема нашей небыла бы современности. Мы часто говорим, что это замечательные молодые труженики тыла, — правда, но это лишь слова, скользящие по внешней стороне жизни. Пойди-ка, разгадай духовное развитие, явление мифического подвига, который случался спонтанно и личностно в такие годы, как сорок первый год, и вот теперь признают победу с большим сознанием своего личного участия в великом подвиге народа! Вещь он вступает в своё будущее с душой, знающей большие переживания, страдания, лишения, впитавшей печальную Москву, когда сюда гналась всякая сила, впитавшей величие Сталинграда... Он часто заменял отца и брата на заводе и, значит, неминуемо перенёс на себя какую-то серьёзную ответственность старшего поколения, шедшего на фронт. В нём часто беззаботность юности борется с ответственностью общественного долга. Это новые и сложные характеры, вооружённые серьёзным опытом, и гордые характеры.

Вотю десять часов.

Рядом с боем часов на Спасокой башне, над стенами Кремля возникает мгновенное оражание, ослепительное сияние и под тысячами людей солдаты почти — первый выстрел залпа, одновременного гасе-то на Воробьёвых горах и на северо-Москвы, со всех сторон. И в ту же самую секунду, помнится как будто сон, весь, темный купол небосвода преобразуется в какое-то гигантское панно, расписанное силами и Филоеговыми силами эшелонов.

И кто-то оспаривание, проникновенно говорит, ни к кому не обращаясь.

— Это останется на всю жизнь в памяти! То-то и есть, что на всю жизнь! Зрелище зрелищем. Для тех, кто его видел, оно останется в памяти как символ исторического дня в Москве. Мне хочется сказать, о более глубоком, что в нас останется на всю жизнь, — об ощущениях народа-победителя. Мы сейчас ещё не представляем себе, какая это подлинная динамическая сила в жизни человека, как направляет, и возмывает, и укрывает это ощущение.

На всю жизнь... Надо подумать только, что победитель становится реальной биографией нашего растущего поколения, оно с победой начинает свой жизненный путь. Разве эта реальная сила не отразится на характере молодого человека?!

Мы в просторной гостиной:

— Победа окрыляет. Но здесь глубокий смысл. Конечно, окрыляет, вдохновляет мысль, даёт простор жизненной отваге, неустремлённости, мысли и непоколебимости, но это неустремлённость в своей необходимости — на всю жизнь.

Наши молодые люди — теперь большие реалисты, дакие от юношеских самоощущений и самозабвения. У каждого за плечами суровая школа: етоваи на смерть, и в бов и в труде и в поэтическом смысле, и в прямом, серьёзном смысле слова. Поэтому, мне кажется, и в дету этого времени как-то уравнивает. Мы на это этого не понимаем. Но если глубже заглянуть в жизнь нашей комсомольской молодёжи, то окажется, что сейчас ускорилась и обострилась черта самостоятельности характера. Какую-нибудь бригадирку в пятнадцатилетнем возрасте мы не испытываем свою волю в деле и познавать действительность на деле, что за самостоятельная сила — личный авторитет с его силой влияния. Да мало ли чего ему приходится испытывать на самом себе, когда он часто подпадает под влияние старших, имеющих глубокое политическое знание! И если молодость при этом остаётся

На нашем списке воспроизведены первые высшие награды русского государства и одна из высших по армееи, недавно учреждённая советским правительством, медаль «за победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Первым почётным знаком воинского отличия в древней Руси была гривна — обруч, обычно золотой, которым награждали за совершённый подвиг и который носился на шее. Своё значение как награды гривна сохранила почти до конца XVII столетия. Но в XV столетии возник новый род награждения вельж — золотыми монетами, или, как их называли, золотыми (слева, сверху). Первые упоминание о такой награде относятся к 1469 году. Золотые для воинов приваживались к ружью или шпаше.

Высшие награды в современном значении этого понятия были введены в России Петром Великим одновременно с созданием регулярной армии. Первой из них является оеор-офицерский аутурный знак оей-офицера Преображенского и Семёновского полков (слева, внизу), введённый в 1700 году. Эти знаки офицеры гвардии получали за сражение под Нарвой. Петр ещё также медали, получившие впоследствии широкое распространение. Слева, в центре — медаль, которой были награждены участники Полтавской битвы. Хотя если Петре было много медалей, то в настоящее время, посвящённых отечественным событиям, лишь медаль за Полтаву представлялась для воинов в петлице.

молодостью, и если паренёк не может сделаться Сократом-мудрецом, то, право, это ничего не значит в его активной, идеустремлённой биографии! Но воспитание характера — не только личная забота каждого юноши и девушки. Оно пойдёт извечным путём коллективного начала, как это было всегда в нашем комсомоле, и пойдёт оно по ошапу, но принципам военных лет и сделается очень скоро традицией характера людей эпохи Победы.

— Но где же твой самолёт... воздушный? Это опять заговорили рядом знакомые подростки.

— Сейчас увидишь. И действительно, вдруг на огноточной стороне Москвы, где-то над Таганкой, очень высоко, как электрическая лампочка, зажглась первая ракета и повисла в тёмном воздухе. Потом через минуту в небе зреть за другим проплыли две такие же ракеты, точно какие-то воздушные регуляторшии прожались вали по смутным облакам и чистым просветам туть для шестия. И это шестие носителей и невидимых воздушных кораблей началось.

Мощная и символическая картина. Такие ночные парадов авиации мы не видели и не могли себе представить.

— Ну, что?.. Я говорю!

Тогда пишущий эти строки не удержался и обратился к подростку:

— Авиационник?

Тот дружелюбно мне ответил:

— Точно.

— Давно?

— А что нет?

— Но всё-таки?

— Теперь пошла четвёртый год...

В словах его была большая внутренняя гордость и за себя и за авиацию, устроившую наш Московский мейндавший парад, на который он вполне законно и естественно теперь взирает как устроитель и хозяин.

Студенческий паренёк и говорить. Такие развёртывания. Их не помолбишь, не застрашашь и никакой опасностью или угрозой не удивишь. Они вступают в своё будущее с большой гордостью испытанных людей великой, небылаой в мире сталинской эпохи.

Фото С. Гурарий.

К американскому городу Сан-Франциско привлекло сейчас внимание всего мира. Здесь происходит конференция Объединённых наций, на которую съехались видные политические деятели около пятидесяти государств, сотни советников и сотрудников делегаций, свыше двух тысяч корреспондентов газет и радио со всех концов мира.

Сан-Франциско — крупнейший порт тихоокеанского побережья североамериканского континента. Большой, красивый город с многоэтажными пригородами лежит на берегах бухты Сан-Франциско, вход в которую идёт через проливы «Золотые Ворота». По берегам бухты — деревни, заводы, рабочие посёлки. Сан-Франциско — не только порт, но и промышленный и торговый центр Калифорнийской долины, а также крупнейшая военно-морская крепость и база.

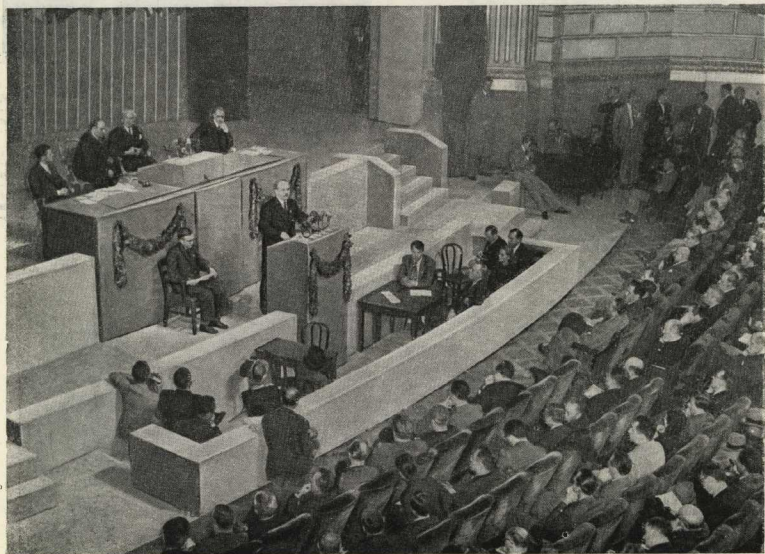
В Сан-Франциско чудесный климат, росы и туманы: летом всегда не бывает зноя, зима тёплая, снег выпадает крайне редко. Здесь начали селиться с 1769 года, когда губернатор Южной Калифорнии дон Гаспар де Портола, объезжая свои ещё не исследованные владения, открыл залив, впоследствии получивший название Сан-Франциско. На берегу возник маленький город; удобное расположение его и прекрасные живописные условия начали привлекать сюда множество поселенцев. Но бурный рост города начался лишь с 1848 года, когда было открыто золото в Калифорнии. Толпы золотоискателей съезжались сюда со всех концов света, и город быстро приобрёл тип микроминиатюрный характер, который отличает его и теперь. На улицах Сан-Франциско чаще чем где-либо в Америке можно встретить представителей всех стран мира — и американцев, и европейцев, и негров, и индусов. Целый квартал города (Чайн таун) заселён китайцами.

Сейчас Сан-Франциско — город с населением около 800 тысяч жителей. Вместе с окружающим пригородом и окресток это число доходит до полутора миллионов человек. В городе много замечательных зданий, находящихся преимущественно в центре: публичная библиотека, построенная которой обходилось в полтора миллиона долларов, морской военный музей, дворец конституции и другие. Среди них особенно примечательна в плане города административного центра города, — построенная в 1928 году, в том числе здание оперного театра, Дом ветеранов, построенный по образцу аналогичного здания в Париже, и др. Много красивых зданий и памятников находится в городских парках. Таких парков в Сан-Франциско свыше сорока, они очень живописны и благоустроены.

На снимках: вверху — общий вид Сан-Франциско, где происходит конференция Объединённых наций; внизу — лава советской делегации тов. В. М. Молотов выходит из самолёта, доставившего его на конференцию.

На снимках: вверху, слева,— тов. В. М. Молотов в кругу советской делегации; вверху, справа,— тов. В. М. Молотов направляется к столу президиума, для того чтобы занять место председателя пленарного заседания; внизу — общий вид зала конференции; на трибуне — тов. В. М. Молотов.

Послуду в городе шумная, пестрая толпа на улицах, множество отелей, ресторанов, а порту — причудливая смесь всех национальностей мира, в центре города, в мире многоэтажных зданий, — деловой суета: здесь люди делают «бизнес».

Для конференции были отведены здания в «Синк-сен-тер». Пленарные заседания конференции проводятся в здании оперетты театры, комитеты и комиссии собираются в соседнем Доме ветеранов, делегации размещены по отелям. Американская делегация помещается в отеле «Фермонт», советская — в отеле «Сен-Френсис». Эти два отеля являются предметом внимания и интереса всех обитателей Сан-Франциско. Возле отеля «Сен-Френсис» ежедневно собираются толпы народа. Особенно шумное оживление царит здесь во время пребывания в Сан-Франциско главы советской делегации тов. В. М. Молотова. Газетные корреспонденты, фоторепортеры и просто любопытные осаждают отель с утра до вечера.

Не меньшее внимание оказывает советской делегации и американская печать. Фотоснимки советских президентов в большом количестве печатались на страницах газет. Пресс-конференции, на которых выступал тов. В. М. Молотов, вызвали острейший интерес всех обитателей города, и газеты с описаниями об этих пресс-конференциях раскупались буквально нарасхват.

Сейчас первый этап работы конференции уже

закончен. Часть министров иностранных дел разъехалась, поехав по Сан-Франциско и близлежащему побережью. Вся работа конференции сосредоточена в комитетах и комиссиях, где вырабатывается окончательный текст устава будущей Международной организации безопасности.

Но несмотря на период сравнительного затишья, сменяющего шумное оживление первых дней, город по-прежнему полон интереса к конференции и всему, что с ней связано. В окрестностях магазинов и вестибюлей отелей, в ресторанах вывешены флаги Объединенных наций.

Послуду можно видеть портреты Рузвельта, Трумэна, Сталина, Черчилля. В кино демонстрируются кадры о работах конференции. Возле отелей, где проживают делегаты, всё ещё собираются любопытные.

Жители Сан-Франциско горды тем, что в их оживленном, красивом городе работает конференция Объединенных наций. Они знают, что жителям этой конференции будет создана международная организация безопасности, которая обеспечит прочные основы мира для всех стран и народов, имя города навсегда войдет в историю цивилизации и прогресса.

На снимках: вверху — фоторепортеры и кинооператоры плотным кольцом окружают главу советской делегации тов. В. М. Молотова; внизу — развоз по племинро-заседаниям конференции.

ПОБЕДА!

В одну благодарность сливаем слова тебе,
красновидная лапа,
Вовек ахско, товарищи,
вам — слава, слава, слава!

В. В. МАЯКОВСКИЙ «Последняя страничка гражданского войны».

*

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! астань и возмашайся!
Громом восторгов общий глас!

А. С. ПУШКИН «Бородинская годовщина».

*

Перетерпев судьбы удары,
Орлеан Русь. Так тяжкий млат,
Дробя аско, воейт булат.

А. С. ПУШКИН «Полтава».

*

Победу решит воиное искусство и храбрость
волокочившей и неустранимой солдат.
Грудь их — защита и крепость отечества.

ПЕТР ПЕРВЫЙ.

*

Я ставиан предводительствовать русскими,
а вы должны гордиться именем русских, ибо
еже вые есть и будет знаменем победы.

М. И. КУТУЗОВ. Письмо к калужским
гражданам (1812 год).

*

Ты, Мемель, Франкфурт и Кисрин,
Ты, Швейлиан, Кенигсберг, Берлин,
Ты, Шпренг, левагощий строн,
Ты, Вилд, аптова река,
Сироте своего гоним,
Что может Россия рука.

М. В. ЛОМОНОСОВ. Ода 1761 года.

*

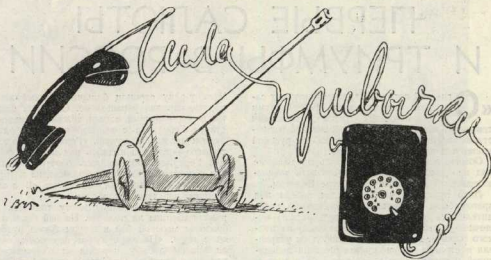
Какая честь из рода и род
России, слава набожана,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамарлана ора!

Г. Р. ДЕРЖАВИН «Гимн лиро-
эпический на прогнание фран-
цузок из отечества».

*

Велик, кто честь в боят синикал,
И страхом став для чуждых воев,
К своим знамениям призывал
Побуду, спутнику герою!
Очиная шит, гроза врагов,
Он — достояние авеко;
Песнов возмощенные звуки
Прозвоняют подвиги вождя,
И, ювашию с аж твара,
В восторге затрепетат шапки.

К. Ф. РЫЛКОВ «Гражданское
мужество».

РАССКАЗ

Рис. Г. Валька

Кроме младшего лейтенанта Чижикова из Берлина в Москву летело еще пять человек. Первое время пассажиров молча смотрели вниз, на знакомые по недавним боям города Германии. Потом разговорились.

— Трудновато сначала будет, — сказал сел Чижикова, широкоплечий лейтенант.

— В каком смысле трудновато, товарищ лейтенант?

— А вот в каком. Дома от своих фронтовых привычек трудновато отвыкать будет. Спать придется на мягкой кровати. В парикмахерскую через день ходить нужно будет. Эх, да мало ли такого, от чего мы отвыкли!

Лейтенант засмеялся и махнул рукой.

— Правильно, — подделал его третий пассажир, розовощекий старший лейтенант, — привычка, как говорится, — вторая натура. В прошлом году я приехал на неделю домой. Жена и говорит: «Ты бы надел, Вася, свой синий костюм». Снимаю китель и надеваю костюм. Даже фетровую шляпу из сундука достал. И вот с сыном на руках выхожу. Не успел я и трех шагов пройти, как навстречу генерал-майор. Я моментально снял подмышку, перехожу на створный шаг, правую руку, как полагается, прикладываю к шляпе и таким манером мимо генерала марширую. Мальчишка потом за мной два квартала бежал.

Все с улыбкой посмотрели на старшего лейтенанта, и каждый мысленно представлял его в шляпе, с рукой под козырек, марширующим мимо лагуменного генерала.

— А с одним моим красавчиком, — сказал капитан административной службы, — из-за фронтовых привычек такой казус произошёл. Был он как-то проездом в Москве, где родных и знакомых у него пропечь. Начал он всех с визитом обходить. Три года не выдался. И везде его, конечно, за стол — закусить с дороги. А когда он пришел домой, отец и говорит: «Что это у тебя из салюга торчит?» «Да?» «Да вот посмотри. Посмотри он, а на столе-никогда восемь столовых ложек торчат. Четыре серебряных, три алюминиевых и одна из нержавеющей стали... И как бы, вы думали, отец понаил в салог? А очень просто. Когда он в гостях из-за стола вставал, каждый раз ложку по привычке в салог. Пришлось ему на следующий день ложки хозяевам разослать.

— А я считаю, — сказал Чижиков, — что привычка — это ерунда. Вот кончилась война — и все мои привычки как рукой сняло. Все забыто. Даже пушка.

— Какая пушка?

— Противотанковая, с которой я всю войну прошёл. Я вот всего несколько дней назад из цепи уехал, а уже мне кажется, что я забыл, как её зарядить.

— Ну, знаете ли...

Разгорелся спор.

Когда самолёт стал приземляться, востепенный лейтенант, зван Чижикова за путовому, прокричал:

— Тотов спорить, что привычка всё-таки в чём-нибудь сказывается!

— На что спорим?

— На что? Ну, хотя бы на портсигар.

— Отлично.

Они ударили по рукам под смех и шуточки остальных слушников.

— Москва, — констатировал капитан. — Придетели наконец.

— Поидёмте вместе, — сказал лейтенант, доставая чешмадан. — Вам куда?

— На Доможанкову.

— А мне к Орловку. Значит, по пути.

Они вышли на шоссе.

— У вас нет гривенника? — спросил Чижиков, роясь в кармане.

— Найдётся.

— Хочу попитьте домой. Ведь мне не знают, что я вернулся. Позово и скажу: «Ну, вот я и снова в Москве».

— А чудно всё-таки, — сказал лейтенант, — Четьре года ремьяни окривел. А теперь вдруг ты не товарищ лейтенант, а Стёпа.

Они подошли к автомату. Чижиков вошёл в будку, закрыл за собой дверь и опустил гривенник. Потом снял трубку и услышал гулчок.

— Накоец-то, — прошептал он.

Набирая номер, он повторил его вслух:

— 6—59—80.

В трубке что-то шёлкнуло.

— Катя, — крикнул он, — это и! Однако трубка молчала.

— Не соединили.

Чижиков нажал на рычаг, гривенник вылетел, и он опустил его вновь. И снова набрал номер:

— 6—59—80.

В трубке опять что-то шёлкнуло.

— Может быть, они переехали куда-нибудь? Он набрал в третий раз:

— 6—59—80.

Слова шёлкнуло...

— Ну, как деле? — спросил лейтенант, приоткрывая дверь кабинки.

— Ничего не понимаю. Шелчки какие-то...

И вдруг Чижиков подбросил гривенник, хлопнул себя по лбу и захохотал.

— Валя взвела, — сказал он, вынимая и протягивая лагуменному лейтенанту свой портсигар.

Номер 65980 был номером противотанковой пушки младшего лейтенанта Чижикова.

ПЕРВЫЕ САЛЮТЫ И ТРИУМФЫ В РОССИИ

«Огненной пехотой», громом пушечных салютов, прививаемыми фейерверками «русесветильных огней», пышными триумфальными шествиями победителей торжественно являя предки славы победы русской армии над врагами государства.

Обычай всемерно праздновать одержанные над противником победы и чествовать воинвопобедителей зародился при Петре Великом.

Петр приказал, чтобы каждая победа над врагом была торжественно празднована победителями на поле сражения стрельбатою пушечного выстрела и беглою стрельбою из мелкого ружья. После крупных побед он устраивал в столице триумфальные шествия победителей и всемерно чествовал их в торжественной обстановке.

* * *

Успехом, из счастливыми и довольные победы возмещались в Москву солдаты, стрельцы, пушкари и прочие служилые люди после взятия Азова. В октябре 1697 года главкомаиндуший, «большого полку воевода», Алексей Семёевич Шеня, адмирал Лефорт, генералы, офицеры и все участники Азовского похода собрались в возможномом сесе Коломенском.

А в это время Москва готовилась к торжественной встрече победителей. На мосту через

Москву-реку строили большие Триумфальные ворота, называемые украинские. С правой стороны перед воротами стояли мелюок резной— статуя Геркулеса с зельной ветвью в одной руке и шипицей в другой. «Геркулесово крепостное»— гласила надпись над ним. За фигурой Геркулеса возмещались богато украшенная и перенята зельною парадом, на которой большими буквами было написано: ей похвалу преврассных воев морских».

От парадной по левому мосту тянулись огромная картина на полотне. На ней были изображены морской бой и штурм Азова русскими с моря. «На море гурии паражены, остави Москове добычу, корабли их сожжены» — поясняла надпись. Полотно кончалось изображением бога морей, Нептуна, восседающего на ките. «Се и аз похвалюво взятнем Азов, и вау торжорован» — гласила надпись на этом изображении.

С левой стороны моста стояла фигура ея воинском платье, а правой руке меч, а левой шить. Это было изображение бога войны Марса. Над ним надпись: «Марсово срабостивъ». Парадма из Марсом повсичалась ей похвалу храбрых воев полемых». Дальше, по всему мосту, тянулись картина, изображавшая штурм Азова с суши.

Настал день триумфа. 10 октября войска по-

дошли к заставам. По всему пути их следования были расставлены московские полки с знаменами и с барабанами и с косями и с пушками наряжены, а для стрельбы им дали оекие ружье и пушечное». Полковникам было приказано: «Как мимо которого полку пойдут адмирал и командор, и им отплать по поклою, и выстрелить из пушек и из мелкого ружья всем возду».

Москвичи вышли встречать победителей ещё с рассвета. От застав раздвинулись первые залпы, перекатываясь по улицам Москвы, гремели пушечные залпы из Кремля.

Когда к Триумфальным воротам подошёл адмирал Лефорт со своими офицерами, солдатами и матросами, из огромной трубы сверху ворот раздалась речь в стихах:

«Генерал-адмирал! Морских сил всех глава. Прииди, зред, а доблди прегородю врага». Эта приветственная речь адмиралу в честь взятия Азова заканчивалась так:

«И тем бо взятнем всездо похвалюво».

Труды же командира триумфом прославляем. Такой же речью был встречен и воевода Шеня, который изъехал к Триумфальным воротам, окруженный знаменами и музыкантами.

Несчастливыми были реды воинов, за которыми тянулись пленные, оковы с профемами. 16 знамен турецких, взятых в Азове, наши солдаты волочили по земле в знак унижения врага. И всё время поха дались триумфальные шествие, гремели пушки на улицах и площадях Москвы, на стенах Кремля. Не смолкали барабаны, музыка, пение. Веселились ратные люди, веселились москвичи. И долго шли по Москве разговоры об этом небывалом торжестве.

По словам одного историка того времени, «через сей торжествавший ход, который, тымаким образом, первым был в России, хотел царь Пётр не только больше ободрить своё во-

Триумфальный вход в Москву русской армии после взятия Азова. (Современная гравюра на меди.)

нистю к трудам и подвигам, но и всех подданных своих приравнял к любовию толь славы военных дел.

В конце 1702 года войска Петра штурмом взяли город Нотебург, а в начале 1703 — русский город Ореховец, или, как называл его наш народ, Орехок. Шведы захватили его еще в XVII веке, а теперь этот русский город был в развалинах родне. «Сего крепост сей орех был, однако, счастливо развратен» — писал Пётр в Москву об этой победе.

Взавоевав Нотебург, русские войска как бы открывали ворота к избранию Балтийского моря. В ознаменовании Пётр в Нотебурге в торжественной обстановке, под торжественную дудину и ружейную палубу переименовала эту крепость в Шлиссельбург, что означает «Ключевой город». На завалий башне крепости Пётр приказал прибить подлинный ему список командантом ключа от крепостных ворот.

После этого Пётр Первым ес полками гвардии и со зваными медальми пушками и знамёнами путь свой совершил к Москве.

17 декабря 1702 года Пётр прибыл в столицу. К торжественному вступлению в Москву солдаты Преображенского и Семёновского полков были одеты в кафианы нового покроя, разработанного по указанию самого Петра. Преображение можно было узнать по кафианам тёмнозелёного цвета, семёновцев — лазурного. У тех и других были красные чулки, расшитые золотом шашки.

На следующий день, как говорится в «Юрланде, или подвехах австрияка Петра Великого, составлене триумфальное шествие победителя ес получившим того года в Финляндии и в Шлиссельбурге пленника и в пленника австрияка».

1704 год принёс новую крупную победу над шведами. Был возвращён родные деревни русский город Юрве, названный шведами Липси Пяра, сильнейшая шведская крепость. «Об этой победе писал: «Пётр... оторвал четыре года маршала, ныне пропало».

«И слова столица Москва с триумфом встретила прославившихся воинств победитель, Невского полка ступившего в Бутарский восток, где их встречал сам Пётр. Подняв с собой австрия в Дерпте и Нарве трофеи артиллерии, знамёна, вооружение шведов».

«И дождав тех, — говорит в «Юрланде», — вошли в Москву с триумфом... для торжества торжественного входа сделаны были церемонии ворта Триумфальные; а вход был сдержанным образом».

1. Напереди шла ора гвардией, пред которой шло казачья гвардия князь Василий Лукин, сын Дмитрия.

2. По том шла два батальона гвардии Преображенской, между которыми в средние времена нестрелковские войска австрия, а впереди: флагов морских 14, знамён сухопутных 40.

3. За ними следовал полковою государь с генералитетом.

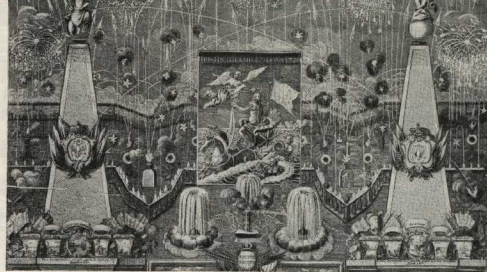
4. По том шла полковою полка гвардии Семёновской, между которыми в средние времена были шведские 80 пушек медных.

5. Ша полковою полка Ингерманландского, — которыми шла Капитанский черемн ветерки и командир Нарвской Гора и прочие чины штаб и обер-офицеры, которых было 159 человек.

6. И сей торжественный вход был по Таресской по Мясницкой улицам до Преображенского его тем пути, как по австрия Шлиссельбург; и в первых Триумфальных вортах, которые сделаны были богатым изваянием из Красной площади у Казанской церкови ветрени командир государя Семёновский Разанский, и говорил ему государю похвалную речь; а в других вортах у Иконной рала привели с собой латвийских и егерских швол ивители с ора оркестром. Таюк и в других вортах от австрия и учёных людей были поздравления.

А е Кремля и с Китая зов всех пути вв время того входа были стрельбы.

В историческом сражении под Полтавою в 1709 году русские войска окончательно разгро-

Фейерверк по случаю победы русского флота под Гренгамом. (Современная гравюра.)

мили шведскую армию Карла XII. Победители отпраздновали «полученную прохвалную vittoria на боевом месте при торжественной пушечной и мушкетерской стрельбе». Тут же были объявлены награды офицерам и солдатам.

Эту славную победу торжественно праздновала вся страна. Но особенно извола Москва. «Велюстю об одержанной победе у Портава привезла во оном Российскому государству общее изволение, общую радость и общие проселения. В престоляном городе Москве по получению оном... узнана салтная пушечная пальба, коей соответствовал также и звук колоколов, а под восток зажжены радостные огни».

22 декабря 1709 года Пётр прибыл в Коломенское и здесь остановился в околицах своих полков. Несколько дней в Коломенском царь лежал в болезни ожидания. Готовясь вступить в Москву, устраивали полки и разбавляя латвийских шведских генералов, офицеров и солдат и раздала вытесне знамёна по полкам: так же артиллерию и прочее, что принадлежало к триумфальному входу.

Триумфальный вступ победителя в столицу был приурочен к празднованию Нового года. Несомненно верование шля гвардейца и солдаты русских полков. В триумфальной процессии москвичи с любопытством разглядывали захваченные у шведов трофеи.

«Каждую большую пушку вели восемь лошадей», — описывает очевидец, — «покрытые красными сукном до ошей. Знамёна, штандарты и алтары несли офицеры и солдаты Юрвской кавалерии, которые их от шведов вооружённым рукою завоевали; восток тех несена на триумфальной колеснице австрия король шведского, которую на место батальи разломали явилу, за тою шлю шведские генералы и все полжанные в ряд; за ними следовали едра верхов победителя, то-есть российские генералы с ивлическими войскам, между которыми был так же и командир Нарвской Гора, на которой салли он в батальи под Лесным и под Полтавою».

А заключая коротке толкя завоевания у неприятеля с багажом, ammunition и прочь... Полтора месяца вие смелыми привели пальба на улицах столицы, звонили колокола, гремела музыка. Так всеобщий народ, празднуя победу над шведами под Полтавою.

Торжественно праздновала полтавская победа и Петербург. И здесь не смолкала пушечная пальба на улицах столицы, звонили колокола, гремела музыка. Так всеобщий народ, празднуя победу над шведами под Полтавою. В своём любимом городском дворе, в Петербурге, он поставил у главного фронта ивменитую сц пьюту Самсона, раздробившего руками своего сына. Эта фигура символизировала победу над шведами, государственной герб которых был украшен изображением льва.

Русская армия была шведов в поле и крепости, а флот, не уступая ей в доблести, громил врагов на море. Крушевистую победу одержал адмирал Апраксин над шведским флотом у Гангута 27 июля 1714 года. При ивменном указом похвалял Сенат с необылавою победою: «во ивменном и оном изволенном оном» русские моряки завоевали новую шведскую эскадру из 10 кораблей и самого контр-адмирала Эреншюльда.

Через три дня Петербург с триумфом встретил эскадру Апраксина. Наши корабли и австраиенные шведские суда были расстреляны на Неве в том порядке, как они находились во время сражения. Затем участники победы вышли на берег и маршировали к специально выстроенным Триумфальным вортам.

Эти ворта, «черо которые вель коротке прохода, были разными символами изволения ивменного украшения. Между прочим, — глыбит отведён, — салвет орёл на слове с ивменным: «Российский орёл мух не поймаёт» Восток шведского контр-адмирала фрегат был ивменением того символа, потому что оный ивменителю Елсфрантом, т. е. сл. Елсман».

Так праздновали победы над врагами во времена Петра Великого. Триумфы и салюты прочно вошли в быт русского народа. Во время Семилетней войны с пруссаками русская армия пущившая салютами на полки сражающийся торжественно свою победу над немцами под Гросс-Егерсдорфом, Пальмином и Кунерсдорфом, Петербург салютовал отавяним русским войскам, знавшим столицу Восточной Пруссии Кенигсберг, 191 пушечным выстрелом.

Торжественно праздновали она боевом месте еуравские люди-богатыри свои победы над врагами. Великий полководец А. Суворов на поле боя в торжественной обстановке велел своим храбрым солдатам пущившим австрийской австриякой — дарамиными выстрелами.

Вся Россия извола после разгрома наполеоновских полчищ и с триумфом чествовала ивменитую герою, освободивших Россию землю от ивменного нашествия.

Величание победы советских воинов превозносила и умоносила славу ивменитых предков. Победный путь Красной Армии к Берлину сопровождался торжественными званиями московских салютов, салнием множества куесоведельных салютов в московском небе. И когда вступила великая день Победы над фашистской Германией, поставленной на колени германской Красной Армией и войсками наших союзников, столица родины Москва чествовала своих доблестных воинов необылавою по яркости государственного салютом.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера Василия Смирнова

КОМБИНАЦИЯ ЧИГОРИНА

Среди крупнейших мастеров прошлого выделяется имя русского шахматиста Чигорина. Он пользовался огромной популярностью не только в России, но и за рубежом. Недаром когда в 1888 году чемпионом мира Стейнун предлозили сыграть матч с достойнейшим из его современников, противником, то он указал на Чигорина.

Для творчества Чигорина характерно глубокое проникновение во все тонкости позиции, и просматривая его лучшие партии, можно поверить, что шахматы — это искусство.

Приводим окончание одной из партий Чигорина, сыгранной им против Гунсберга в Гаване в 1890 году.

Черные: Чигорин

Белые: Гунсберг.

ИЗ ШАХМАТНОЙ СТАРИНЫ

Интереснейшим шахматным состязанием первой половины XIX столетия был ряд матчей между наиболее выдающимися шахматистами того времени французом Лабурдонне и его соперником — английским игроком Мак-Доннелом. Они сыграли один за другим 6 матчей, причем последний остался незаключенным из-за смерти Мак-Доннеля. Как по количеству сыгранных партий — 851 — так в особенности по их исключительному высокому качеству эти состязания представляют богатейший материал для изучения шахматного искусства той эпохи.

Встречи происходили в 1834—1835 годах в Вестминстерском шахматном клубе в Лондоне. Некоторые партии продолжались по многу часу. Как свидетельствует один из современников, около трех четвертей всего времени на игру приходилась на долю Мак-Доннеля, который думал иногда над ходом другого часа и больше. Всегда мдавший, он был несказанно спокоен. Лабурдонне, наоборот, обладал живым характером. Если течение партии складывалось для него благоприятно, он в оживленной

1. ... Лf4: f3!

Благославная комбинация, красивая и аэволюция! Теперь белые стоят перед выбором: взять ладью или отвлечь жертву, испуская обещание эдак проложить. Рассмотрим последнее продолжение: 2. J: h4 Лg3+ 3. Кр: g3 Ф: h4+ 4. Крf3 Фh3+ 5. Крf2 Лf7+ 6. Крe1 Фg3+ 7. Крf1 Лf2 с выигранным матом; или: 2. Кр: f3 Фf4+ с неизбежным матом. Остаётся ход, слевый Гунсбергом в партии.

2. Фe2: f3 Фb6—d2+ 3. Крg1—f1 Ch4—f2+! 4. Крg1—f1 Если 4. Ф: f2, то 4. ... J: h1+! 4. Кe6—d4! Фd2: c1+ 6. Крf1—e2 Лf7: h1 7. Сd4: f2 Фb6: b1 8. g4—e5 Фb1—f1+ Белые сдались.

О ЛОВУШКАХ

«Остерегайтесь делать очевидные ходы» — в этом известном афоризме заключен большой опыт шахматных составителей. Никогда нельзя забывать о противнике, который в расчёте на свои естественные ходы может пригнать жертвы. Часто для приманки жертвы пешка или даже фигура. И горе доверчивому партнеру, принявшему этот «давайский» дар!

Встречаются ловушки, как искусство замаскированные, что на них попадаются и опытные мастера. Следующий пример, взятый из партии Чеховер—Кан, сыгранной на VIII первенстве СССР, хорошо иллюстрирует выше сказанное.

Черные: Кан.

Белые: Чеховер.

1. Le1—e3! Полезный ход, подготавливающий 2. a2—a3 и в то же время связанный с лобовой ловушкой. 1. ... Фf4: a2, ния настрелу замаскил белых. 2. Jd1—a1 Лb8: c5 Если 2. ... Фe2, то 3. Ce1. 3. Фd4—e5 Только теперь чёрные заметили, что на замужестве 3...f7—f6 решает 4. Фe5—d5+! Последовало: 3. ... Фd2—d2 4. Фe5: b5 и белые выиграли.

ОКОНЧАНИЕ № 2

На диаграмме изображено положение после 22-го хода чёрных. Серьёзные слабости в позиции Н. Болеславского позволяют чемпиону СССР провести красивую финальную атаку.

Болеславский; чёрные.

Белые: Болеславский.

1. c5—e1 Cd7—e8 2. c3—e1 b5: a4 3. Cb3—e4 Cc5—b6 4. Cc4—d3 La8—b8 5. Фe2—c5 ... В результате эффективного пешечного арьерса далеко продвинута белая пешка разумеется, оборону чёрных на два отдалённых лагери. Сейчас угрожает 6. Kh4—f5 с материальным приростом. Единственный вариант — затратить сопротивление владеть доску 5. ... Фg7—f7. Тогда решаю перевод ладьи на h3: 6. Le1—e3 и в 7. g3—e4. Чёрные не достигают быстрой зашасы. 5. ... Фg7—f7 6. Cd3: h7+ Крg8—g7 7. Kh4—f5+! Кf7—e6 8. Le1—e4 Крf7—h8 9. ... Кb6—a4 следуют: 10. Le7—e7 Кf8—g8; 11. Лf7—h8+ Крh8—h8; 12. Фc3: f5 10. Le7: e6 Фf8: e5 11. d4: e5 Кb6—a4 12. Ce6: f5 Кd4—e3 13. Фd7—e7 Кc3—b5 14. Cf5—d3 Лf8—e8 15. a2—a4 Кb5—d4 16. Cd3: a6 Кd4: c6 17. Le7—e5 Чёрные сдались.

ОТВЕТЫ

КРОССВОРД (№ 7—8)

По горизонтали: 4. Кузур. 7. Улан. 8. Огю. 9. Оялт. 12. Лука. 14. Лир. 15. Огю. 18. Памп. 20. Пелес. 22. Нева. 24. Дурман. 28. Левина. 28. Туз. 30. Вал. 31. Иним. 34. Тот. 35. Вил. 37. Зак. 39. Верн. 41. Урон. 43. Паркар. 45. Тана. 47. Фурур. 48. Паладин. 49. Сорок. 50. Агос. 52. Роник. 53. Декс. 54. Кроп. 55. Сак. 58. Кюв. 59. Рен. 60. Нета. 63. Пак. 65. Агр. 67. Сайром. 69. Именн. 70. Юрта. 71. Лодка. 73. Кадр. 74. Курд. 76. Рер. 77. Сорт. 79. Загал. 81. Озон. 82. Анст. 83. Антал.

По вертикали: 1. Окно. 2. Эроф. 3. Мучк. 5. Полам. 6. Кори. 10. Карт. 11. Орбл. 12. Лида. 13. Картеж. 16. Шинат. 17. Аша. 19. Обои. 20. Паз. 21. Гел. 23. Вечер. 25. Мул. 27. Гиз. 29. Пикадор. 32. Шифер. 33. Муфта. 34. Торок. 35. Вилос. 36. Лодки. 38. Киса. 39. Варан. 40. Рокот. 42. Рот. 43. Пар. 44. Рие. 46. Нок. 51. Сафр. 53. Дерво. 55. Обес. 57. Карт. 59. Рим. 61. Обез. 62. Ясак. 64. Кол. 65. Аза. 66. Пакт. 68. Нора. 69. Икар. 72. Дукат. 75. Узур. 78. Рота. 79. Знак. 80. Таль.

«ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЭТИ КАРТИНЫ?» (№ 7—8)

Верхний монтаж составлен из фрагментов следующих картин: А. К. Саврооса «Грива прителе-ла» (справа, вверху); И. В. Перова «Охотник из привала» (слева, внизу); И. И. Швангина «Утро в сосновом лесу» (в центре).

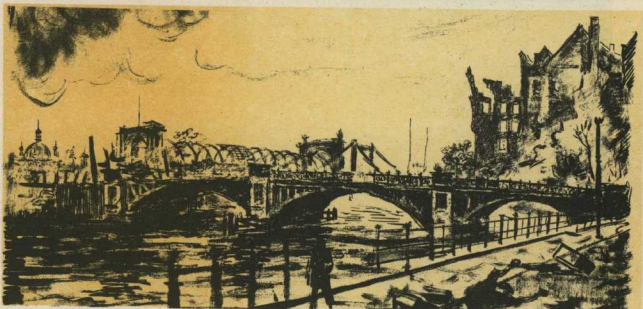
Внизу расколочены (слева направо) фрагменты картин: В. Г. Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом», Н. Г. Е. Пушкин в Михайловском, И. Е. Репин «Не ждали» и «Заторопив».

Отвечающий редактор — Борис ВОИТЕХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

А 8088. Подписано и печатно 16/VI—45 г. Формат 21x110 см. 3½ печ. л. Вып. в печ. а. 88.000. Знат 973. Тираж — 30.000 экз. Изд. № 417.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

БЕРЛИН В МАЕ 1945 ГОДА

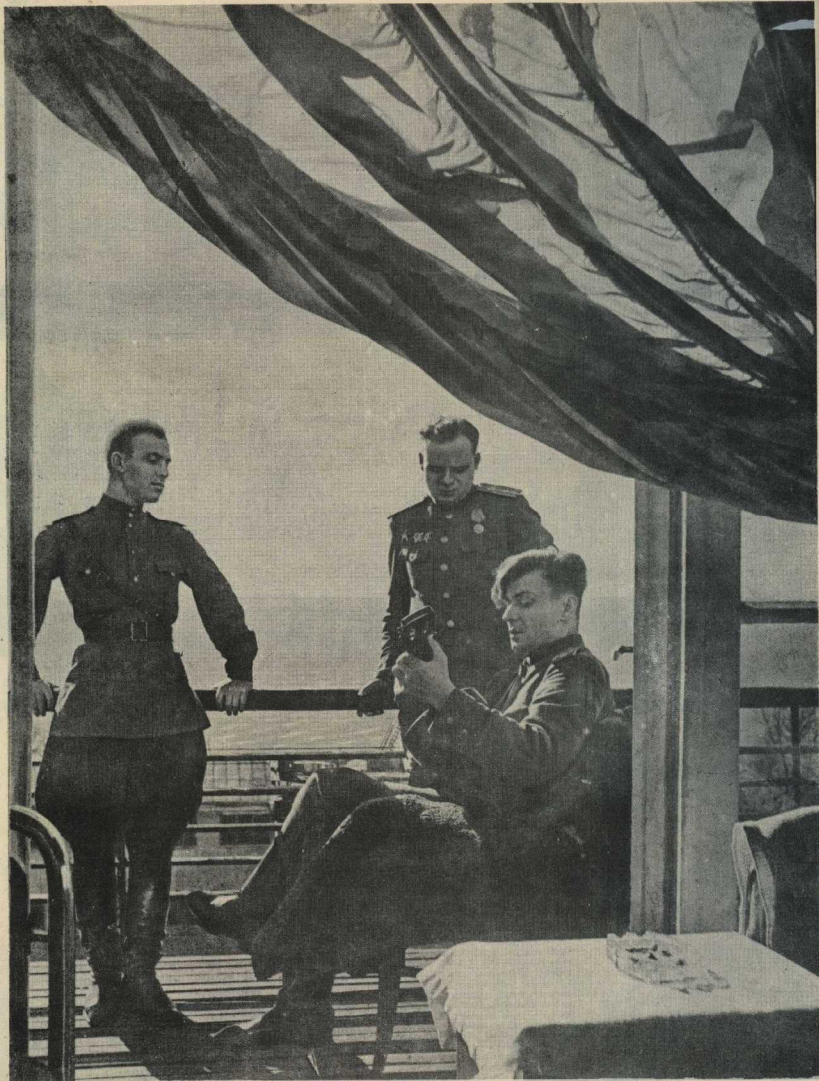
РИСУНКИ ХУДОЖНИКА
И. СТАРОСЕЛЬСКОГО

В рисунках художника И. Старосельского запечатлена германская столица в первые дни после капитуляции. Таков Берлин начала мая 1945 года. Рисунки художника И. Старосельского лаконичны и выразительны. Это не только правдивая документация войны, но и художественная публицистика.

Следы жестоких боёв за город видны повсюду. На верхнем рисунке, справа — центральная, Дворцовая площадь. Здесь были собраны трофеи первой мировой войны, которые должны были символизировать мощь прусской ковицции. Вот что осталось от символов этой «мощи» под могучими ударами Красной Армии! В центре, справа — вид с набережной на Шпрее. Мост через реку остался целым, но вокруг разрушения огромны. На рисунке внизу, справа, — единственная удавшаяся пламятник на Аллее побед — колонна победы.

На рисунках слева карандаш художника схватил типичные фигуры пруссаков на улицах Берлина: бюргерши и слепой немец с белыми палочками на руках. Внизу, слева, — характерная сцена, какие часты сейчас в германской столице: население расчищает завалы на улицах.

В Сочи на отдыхе.